International Literary Magazine
KRESCHATIK
ПАРИЖ
KRESCHATIK

SHOUT
SHARE
IT

- Отрывки из Ничего
  -
  - КАК УСЫНОВИТЬ НЕНАВИСТЬ
  - СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ
  - SOS
  - ТЫ
  - БРЕДУ – БРЕД!
  - АМ-АМ
  - КУЧА-МАЛА
  - КО-КО-КО
  - ТАЙНЫЙ ЗНАК
  - БАБОЧКА
  - БОМБОУБЕЖИЩЕ
  - ПО ВОЛЕ ВОЛН
  - СОБАКА ВЕРА
  - МЕЧТЫ
  - ЭТО ЧТО-ТО
  - ТИХО СИДИ
  - СЮР-РЕНЬ
  - РОДНЯ
  - ЭТО СТИХИ
  - КАРТИНКИ-ПРИЗРАКИ
  - ТРЕТЬЕ УХО
  - ЛОВИ МОМЕНТ
  - ГОВОРИТЕ!
  - КЛЮЧ НА СТАРТ
  - ТИК-ТАК
  - «БЕЗИМ!»
  - ЖИЗНЬ В ЛЕСУ
  - ПЯТЬДЕСЯТ ЕВРО
  - ТЫСЯЧА «ТАК ГОРЬКО»
  - МАНЯ И МАНДЕЛЬШТАМ
  - ВЕЩИ
  - ПРОДАНО
  - КАК В ЭНЦИКЛОПЕДИИ
  - ПРОДОЛЖЕНИЕ №1
  - ПРОДОЛЖЕНИЕ №2
  - ПРОДОЛЖЕНИЕ №3
  - ПРОДОЛЖЕНИЕ №4
  - ПРОДОЛЖЕНИЕ №5
  - ПРОДОЛЖЕНИЕ №6
  - О ДОГАДЫВАЮЩИХСЯ
  - ВОТ И ВСЁ

- В СУИЦИДНОЙ МАНЕРЕ
- КНОПКА БЕЗОПАСНОСТИ
- ДО-РЕ-МИФ
- ЕДИНИЦЫ
- НЕЛЬЗЯ
- ПАСТОРАЛЬ
- ИГРА В АДУ
- УГАДАЙКА
- ПИШМАШ
- ВЫ СМЕЛОВ?
- ХРАП ОРГАНА
- ВЫ СМЕЛОВ? ПРОДОЛЖЕНИЕ
- ПРОПАСТЬ БУДУЩЕГО
- ВБЕГАЕТ МЕРТВЫЙ ГОСПОДИН
- ТВАРЬ, ТВОРИ!
- СЫПЬ, СЕМЕНОВНА
- ПРОЦЕСС ПОШЕЛ
- ПАМЯТНИК ЗАЛУПКЕ
- МУ-У-У-У-ЧЕНИЕ
- ЛЯ-ЛЯ-ЛЯ
- КОГДА ЭЛЛАДА В НАС…
- ЛЮБОВЬ КАК ЖАНР
- БЛА-БЛА-БЛА
- ПОКА ЕСТЬ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО
- Ы
- ШТИЛЬ
- БУЛЬ-БУЛЬ
- МИСТЕР Х
- ОНА
- ДАОСВИДАНИЕ
- И ХЛЫНУЛА ЗЕМЛЯ
- НЕ ГЛАГОЛЬНОЕ ВРЕМЯ
- Ы ХОХОЧЕТ
- КАК В ЭНЦИКЛОПЕДИИ
- МОЛЧУ
- ЗАЧЕМ
- И ТОЛЬКО ТЕПЕРЬ
- ТРУП ТРУБ
- СНЕГ РАЗУМА
- НЕТОТ
- НОВОЕ?
- ЛЕЙСЯ-ПЕРЕЛИВАЙСЯ.
- В ЭТОМ КОСМИЧЕСКОМ КОНФЕТТИ
- О, ЭТИ ПАЛОЧКИ

- МАЛЕВИЧ ЭТО БЫ ОЦЕНИЛ
- О, ЭТИ ПАЛОЧКИ. ПРОДОЛЖЕНИЕ
- ТЕКСТОВ РОЙ
- КТО ТАМ ШАГАЕТ ПРАВОЙ
- КРИК ТИШИНЫ
- ИСТОРИЯ ПРОКЛАДОК
- «СО СКОРОСТЬЮ ТОГО СВЕТА»
- НАМИ ПИШЕТ МОЛЧАНИЕ
- БЕДНЫЙ ЙОРИК
- ФАБУЛА
- НЕСУЩИЕСЯ
- ОНО
- СЕРДЦУ БОЛЬНО
- КВА-КВА-КВАЗИ
- ПРЫГ-СКОК
- СКРИПКА НИЧЕГО
- ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ ЧЕРЕЗ
- Вверх ногами
- Местоимения ничто
- Аракчеев, ау!
- Грамматика себя
- Предвкушение свободы
- Пишу мозгом
- О, эти палочки!
- Долиной смертной тени
- Цып-цып-цып
- тОчка
- Расслабьтесь и получите удовольствие
- Топ-троп
- Болван
- Спасибо
- Нестрашная неделя
- Три товарища
- БАН-дурист
- Продолжение коитуса с континуумом
- Три Ч – чичаче
- Ты – роды
- Мистик поневоле
- Театр Кукол
- Всем спасибо
- Ничто
- Сделано
- А меня
- Тогда Лена еще говорила

- Тайна
- Однозвучно гремит колокольчик
- Реприза
- Шарман, шаман
- Я-беда
- Тригорину
- Ах, как кружится голова
- Это стихи
- Драма ты лги я
- Ее нема
- Басня
- Вторцветмет
- Мозаика индивидуальности
- Проветривание
- «Я спасти нельзя»
- Полшестого
- Только чудо
- Экологическое Евангелие
- Ты шуршишь
- Аутисты, вперед!
- Город Глупов
- Всем спасибо. Продолжение
- «стеб да стеб кругом»
- Бедный Йорик! – 2
- Опять ментальная стружка
- Чао
- Ни что не имеет значенья.

Отрывки из Ничего

Дневниковые записки были опубликованы в журнале “Крещатик”

Борис Ванталов

КАК УСЫНОВИТЬ НЕНАВИСТЬ

Я знал человека, который должен был обязательно кого-то ненавидеть. Эти ненависти он переживал как другие – влюбленности.

Поскольку он не был однолюбом, скорее, наоборот, объекты ненависти менялись часто.

Круг знакомых был ограничен, и ему приходилось, когда стрелка по циферблату его связей описывала круг, ненавидеть некоторых по второму разу.

Драма была в том, что он ненавидел конкретных людей, а насколько было бы проще сосредоточиться на галактике. Такую ненависть исчерпать сложнее. Он мог бы пестовать ее всю жизнь, как собственного ребенка.

СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ

Мне позвонила приятельница через сорок лет после того, как мы расстались. В этом астрономическом промежутке ни разу не виделись. В молодости она была привлекательной, канала под ведьму. Теперь старшей дочери за тридцать, сыну – шестнадцать. Я боялся этой встречи по эстетическим соображениям. Зачем нарушать гармонию воспоминаний созерцанием руин былого?

Она настаивала. Мы встретились.

Дама почти не изменилась. Эстетика не пострадала. Но я испытал страшное разочарование.

Как же так! Прошло сорок лет, а она не изменилась. Все те же словечки, все те же приемы, все та же ведьма.

SOS

В мозгу, полученном мной, атрофирована ностальгия. Ему всегда была непонятна эта возня с одноклассниками, сослуживцами. Бесконечное фотографирование белковых тел.

Альтернатива вынужденному общению – встреча. Которая «бывает только раз». Вот здесь надо проявить тонкий слух и цепкое зрение, быть начеку.

Неважно, чем обменяются двое, словами или продуктами внутренней секреции. Главное, не проморгать со-бытия, со-ития, со-гласия. Не пропустить этого редкого сигнала SOS нашего одиночного вселенского плавания.

ТЫ

Почти всю жизнь проработал сторожем. Изучал одиночество.

Постепенно под воздействием последнего начал дистанцироваться от я. Ведь оно остро необходимо только когда мы с другими. Метим им суверенную территорию себя. Когда один, это не так существенно. Остраненное созерцание себя любимого полезно каждому. Ты начинает понимать, что терять нечего.

Ты – свободно. Я – никогда.

БРЕДУ – БРЕД!

Мой покойный приятель Борис Александрович Кудряков любил выпить. Иногда у него бывали заупои. Находясь в таком эйфорическом состоянии, стоял он однажды в своих пенатах (на углу Свечного и улицы Достоевского) с бутылкой пива в слабеющих руках и любовался закатным освещением пространства, как и положено гениальному фотографу. На беду некий прохожий полюбопытствовал у него, который час. Нарушителю медитации был вынесен суровый вердикт. Пошел вон, гнойный пидор!

На следующее утро Борис Александрович стоял в той же позе на том же месте, любуясь восходом. Тут к нему подошел человечек, и сочувственно глядя снизу вверх, сообщил, что вчера он оскорбил главного мафиозо района, поэтому дни его сочтены.

Спустя пару суток после смертного приговора я был вызван на Свечной. Картина, которую застал там, была нерадостной. Борис Александрович, тревожно озираясь, сидел в трусах и майке на неприбранной кухне. Его потряхивало. Он больше не пил. Ждал нападения.

Районная мафия мерещилась ему повсюду. Он слышал, как в шесть утра они обсуждали под окнами бельэтажа способы его физического устранения. Голос у фотографа дрожал. Дело было плохо. Острый алкогольный психоз.

Я понял одно: надо перевести стрелку. Любыми способами вытащить Кудрякова из осажденной его бредом берлоги. Поэтому начал обсуждать с ним план бегства.

Как перехитрить бандитов?

Во-первых, надо было изменить внешность. Пришлось пожертвовать бородой и усами. Дрожащими руками они были сбриты. Кое-где зардели порезы.

Во-вторых, прикид. Борис Александрович предпочитал ходить в прозодежде. Зная об этом, я однажды экипировал его сверху донизу, заведя на склад обмундирования Вневедомственной охраны (в которой тогда служил). Он получил амуницию за несколько лет (новое полагалось каждый год). Особенно меня восхищали фиолетового цвета хлопчато-бумажные носки, их выдавали в неимоверных количествах. Вода, в которой они стирались, превращалась в чернила, ею можно было писать.

Сейчас надо было сменить имидж. С трудом были найдены черные полуботинки, я заставил приговоренного начистить их до блеска. Трудотерапия! Более или менее приличные брюки не сходились на животе, ремень разрешил проблему. Пиджак, белая

рубашка, галстук… Когда мой приятель облачился во все это, я пожалел, что не фотограф. Для большей достоверности (хотели изобразить доцента) взяли старый кожаный портфель, в который Борис Александрович положил обрезок железной трубы, завернутой в газету.

В-третьих, сама эвакуация. Чтобы быстро смыться, нужна машина. Но денег у нас мизер. Тогда я уговариваю мать жертвы сыграть немощную старушку, которую якобы надо отвезти на Московский вокзал, расположенный в двух шагах.

И вот мы видим из окна, как к дому подъезжает заказанное такси. Впереди иду я под руку с Анной Николаевной, а сзади, тяжело дыша, весь в поту, нервно сжимая ручку портфеля, грузно ступает Борис Александрович. Ему грезятся автоматные очереди, стальной блеск молнии финского ножа, смачный хруст черепа, проламываемого бейсбольной битой…

Но вот мы запрыгиваем в такси и через пять минут оказываемся на вокзале. Вот уже погружаемся не в сумрачные пещеры Аида, а в залитое светом метро. Я вижу, как психоз немного ослабевает, и щеки смертника начинают розоветь. Потом мы сидим на кухне моей новой квартиры. В окне фехтуют строительные краны. Я устало пью разведенный спирт. Кудряков дует чай. Отсюда он поедет на месяц в деревню.

Бреду – бред!

АМ-АМ

Мне нравится Введенский. Простыми словами он поведал, что мы ничего не значим. Это грандиозное открытие могло бы привести к левитации, а вместо этого Введенского убили. Значащие не могут не убивать, иначе они не значат. Уничтожение – высшая форма знания значащих. Оно пожирает само себя.

Ам-ам.

КУЧА-МАЛА

XX век отдаляется со страшной скоростью. Мы перестаем там различать нас, выживших в XX1-ом. Прошлое уплотняется в энциклопедиях. Вместо живых людей букашки знаков. Хорошо, когда букашки живые. Но таких мало.

Куча-мала.

КО-КО-КО

Почему нам выдали для наших оболочек малую, видимую часть материи? Некоторые полагают такую форму высшим проявлением сущего. Отсюда гомерическое обожание самих себя. Главный трофей этого акта – серьезность.

Надувать щеки воздухом речи, выдувать мыльные пузыри смыслов, соревнуясь, чей пузырь тяжелее.

Переходные формы всегда принимались за вечные.

Наша форма исчерпана.

Современниками жизнь без будущего еще не отрефлексирована.

Толчея продолжается. Она даже набирает обороты. Общение в интернете уже не требует напряжения гортани. Теперь сотрясается не воздух, а ничто.

Может быть, ничто – это просто скорлупа, сквозь которую новая форма проклюнется в нечто.

Ко-ко-ко

нец

авг. 2010

ТАЙНЫЙ ЗНАК

Еще не было ни одного дня, чтобы я не вспомнил Лену Шварц.

Я все жду от нее какого-то тайного знака, ибо твердо убежден, что она где-то рядом.

Иногда говорю с ней. Непроизвольно.

Забыть ее невозможно.

В ней трепетала вечность.

БАБОЧКА

Через сколько-то дней после похорон, идя по Шиманского, я увидел выпорхнувшую из кустов бабочку. Она кружилась вокруг меня. Была еще ранняя весна. Первый теплый день. И вдруг эта бабочка, словно сошедшая с автографа Лены. Я стоял пораженный. А бабочка кружилась и кружилась, как в том давнем сне с татуировкой. «Кто смог так дивно проколоть ночное зренье». Вот и дневное прокололи…

БОМБОУБЕЖИЩЕ

Смерть – это что-то вроде бомбоубежища, где можно переждать жизнь до Страшного суда. Сидящие в нем прислушиваются к шуму, по нему они пытаются догадаться о происходящем «там». Все ждут трубного гласа: конца воздушной тревоги.

ПО ВОЛЕ ВОЛН

Трагедия, драма исконно присущи человеку. Парадиз сложно представить именно в силу отсутствия конфликта. О чем была бы Библия без проглоченного яблока?

Здесь уместно только представление о глубочайшей (вечной!) медитации, когда как в калейдоскопе раскрываются все новые и новые узоры Творения. Им нет конца. «Плыви мой челн по воле волн».

СОБАКА ВЕРА

Никакого вопроса о вере нет. Вера такая же составляющая нас, как и вода. Парадоксальные верующие – это неверующие, потому что им приходится верить в то, что они не верят. Остальные верят так же, как дышат. Это естественное проявление бытия. Оттого мне нравится собака Вера у Введенского в «Елке у Ивановых». Лучше не скажешь: собака Вера.

МЕЧТЫ

Неужели я влип в очередную книгу моей бессюжетной авантюрной прозы. Мне-то они интересны, потому что я переживаю их как приключение. Очередное ментальное путешествие. Я первопроходец «я». Неужели доберусь до «ты»?

Мечты, мечты…

ЭТО ЧТО-ТО

Впереди ничего нет. Позади ничего нет. Но как увлекательно это ничего! Эти колебания неизвестного. Эти вибрации ничто.

Это что-то!

ТИХО СИДИ

Чем напряженнее внутренняя жизнь, тем внешняя скучней. Ради того чтобы слышать, приходится оказываться от разговоров, от роскоши-пошлости человеческого общения. От этого ритуального повторения выхолощенных формул, тупых эмоций и прочая, прочая, прочая.

Тихо сиди, уголовничек.

СЮР-РЕНЬ

Еще помню, как Кудряков пришел ко мне ночью, с огромным букетом сирени, которую наломал у меня же во дворе. А я думал, что там в полночь закопошился бульдозер. Он пришел пьяный.

Дело было серьезное. Брата Колю (А. Ника) хотели посадить в дурку, потому что приезжал в Питер Никсон.

Это называлось книксен. Многих в дурку посадили на всякий случай. Я должен был пойти к Коле домой и забрать паспорт. Брат скрывался по мастерским. Об этом поручении нельзя было говорить по телефону. Вот Кудряков и приперся с букетом сюр-рени.

РОДНЯ

Мое преступление состоит в том, что плохо вижу. Поэтому то, что всем ясно, для меня туманно. Я не доверяю ясности, солидаризуясь с поэтом.

Туман мне роднее.

ЭТО СТИХИ

Слалом на кончике мысли. Летишь, сломя голову. Остановиться нельзя – разобьешься. Остается только лететь в пропасть за доном Хуаном.

Ветер свистит в ушах.

Это стихи.

КАРТИНКИ-ПРИЗРАКИ

1

Был знакомый. У него был «Запорожец». Горбатый, как сказал потом Высоцкий. Один раз он хотел подвезти меня на нем, не успели проехать несколько кварталов, машина заглохла. Я подарил картинку. Большую (тушь, ватман).

Потом этот знакомый вернул моему приятелю Гоше книгу в белой обертке. Это был «Петербург» Андрея Белого, чуть ли не первое издание. Тогда книги берегли. Спустя годы приятель снял обертку и обомлел. Это была моя картинка с вырезанными уголками и загнутыми краями. Он вернул ее мне.

Я смотрел на изуродованный ювенильный шедевр и думал о загадочности человеческой души.

2

Еще один ранний шедевр я решился окантовать. Тащился с ним через весь город в мастерскую на Белинского. Когда переходил Фонтанку у цирка, вдруг повалил густой снег. В мастерской обнаружил, что тушь моя потекла. Я сложил картинку пополам и выбросил ее в ближайшую урну.

Тогда я еще не ведал о чуде размыва.

Это была прелюдия.

3

Картинки этого периода сохранились только на фотографии Бориса Смелова, где я лежу на их фоне с обнаженным торсом.

Теперь это фото прочно поселилось в интернете.

Картинки-призраки, летучие голландцы моей пра-графики.

ТРЕТЬЕ УХО

Хорошо бы успеть перечитать Салтыкова-Щедрина. Лескова перечитал. Какие рассказы в 9-ом томе! Чего стоит «Продукт природы». Там будущий «Архипелаг» обозначен. Вот что в школе надо проходить.

Читать мало, надо еще видеть прочитанное во времени, в обратной перспективе. И слушать также, тогда из «Райка» Мусоргского в исполнении Ефрема Флакса вовсю полезут футуристы с обериутами.

Это слышно. Надо только напрячь третье ухо.

ЛОВИ МОМЕНТ

Только начни и дело пойдет. Но начать надо в определенный момент. И высокое искусство птицелова в том, чтобы его поймать, не спугнув. Иные ждут этого момента всю жизнь. А над другими они роятся стаями так, что впору отбиваться от них.

В общем, лови момент! Без этой птички ничего не получится.

Пусть неудачник плачет.

ГОВОРИТЕ!

1

Брат Коля (А.Ник) недавно потерял голос, как Веничка Ерофеев. Причина та же. Но он не пользуется спецмашинкой. Пишет записки. Я не видел его с 1984 года. 26 лермонтовских лет. Нашей переписке – 40. Бальзаковский возраст.

2

Общий с Колей приятель, Витя, выйдя на пенсию, утратил оперативную память.

Теперь он сидит запертый дома. Раз в неделю приходит сестра и ходит с ним в магазин.

Я иногда звоню ему. Он все и всех помнит. Но сам не звонит никогда, хотя номера телефонов висят у зеркала в прихожей. В конце разговора ритуально он записывает мой номер опять.

Перед болезнью звонил мне в белые ночи.

– Борька, сейчас утро или вечер?

Он тогда еще пил.

3

Однажды позвонил я Борису Александровичу:

– Боб, привет!

– Говорите.

Я что-то говорю, думая, что он прикалывается. Наконец, замолкаю.

– Говорите.

Я снова что-то выдавливаю из себя. Молчу.

– Говорите.

Тут я понимаю, что это не прикол, а катастрофа.

– Боб, ты что, не можешь говорить?!

– Говорите.

У него было что-то вроде инсульта, через полгода он умер.

4

В последний раз я видел Лену Шварц за несколько дней до смерти. Она лежала лицом к стене. И так и не повернулась ко мне. Может быть, не хотела, чтобы я ее видел такой. Мы покурили с Кириллом Козыревым на кухне.

Я снова зашел в комнату.

Попрощался и два раза поцеловал ее в спутанные волосы.

По телефону она еще разговаривала, и когда я сказал вечером, что был у нее сегодня, она ответила: «Я помню».

29.08.2010

КЛЮЧ НА СТАРТ

Полное непонимание всего и вся – главный результат не зря прожитых лет. Все аксиомы, вдолбленные за жизнь в голову, вырываются с корнем как сорняки.

Прополка.

Ты – свободно, я – обречено.

Ключ на старт!

ТИК-ТАК

В свое время, когда рассказ Леонида Пантелеева «Честное слово» часто читали по радио, меня от него тошнило, таким сусальным, фальшиво приторным казался он мне.

Сейчас в эпоху тотального жульничества и стеба я готов его читать своей внучке, как святочный.

Зубчатая передача истории сделала несколько мелких шажков, маятник пошел в другую сторону, и акценты сместились.

Только и всего.

Тик-так. Тик-так.

«БЕЗИМ!»

Когда Наташа Азарова попросила меня сочинить стихи с марксистским уклоном, первое, что пришло в голову, – «секс – эксплуатация человека человеком».

Шутки в сторону. Сколько в институте долбил этого Маркса, не подозревая, что он достанет меня под старость.

Теперь я могу сравнивать колбасное (капитализм) и бесколбасное (социализм) устройство общества.

Вывод прост: Уолден был прав. «Безим!», как сказал А. Ник. Из общества, из себя, из всего этого.

«Безим!»

ЖИЗНЬ В ЛЕСУ

Однажды, еще в том тысячелетии, задумали мы с Кудряковым пойти в поход. Как было условлено, я заявился с полной выкладкой в пятницу к нему на Боровую. Мать меня впустила. Борис скоро придет, сказала она. Я сидел в узкой, похожей на пенал комнате. Сумерки сгущались. Фотограф запаздывал.

Наконец, подшофе (получка!) он ввалился. Широким жестом бросил на пол карту. Борис Михайлович, мы с вами пойдем, тут палец его качнулся вместе с телом в сторону Коми АССР, вот сюда! На электричку мы садились уже в сумерках, звеня запасенным горючим. Я по дороге пытался достичь той же эйфории, что и мой спутник. На станции мы вышли из освещенного вагона в абсолютную тьму. Во всяком случае, такой она представлялась для моих минус тринадцать с половиной. Кудряков пер, как танк, сквозь эту августовскую тушь. Я семенил сзади, держась обеими руками за его рюкзак. Шли мимо яростно лающих собак, они были в полуметре от нас, только цепь не позволяла им вцепиться в мягкие ткани пилигримов. Как мы в лесу установили палатку, я не помню. Проснулись от возгласа грибников, надо же, в каком месте палатку разбили! Заинтригованный вылезаю наружу. Наш шатер стоял в чащобе. Как в полной темноте мы нашли свободный пятачок пространства, не представляю.

Опохмеляемся. Собираем палатку и устраиваемся заново у озера. Костер. Купание.

К нам присоединяется разминувшийся с друзьями одинокий турист. Мы распиваем его поллитру. Ночная беседа.

На следующий день уже остались без горячительного. Борис Александрович заваривает чай из какой-то травы, вышибающий начисто похмельный синдром.

Тут начинается гроза. Мы лезем в палатку и начинаем страшно потеть, как в хорошей парилке. Потом выяснилось, что Кудряков перепутал траву. Собранная им была потогонной. Сбросив по паре килограммов веса, едем на автобусе обратно, купив в сельпо две бутылки плодововыгодного. Одну пьем там, другую у Бориса дома. Я звоню подруге. Она не против. Бегу к ней и успеваю до девяти вечера купить в гастрономе на Садовой бутылку чего-то ярко-красного. Подруга топит дровяную колонку (и это в центре города, в семидесятые!). Смываю с себя первопроходческую слизь. Залезаю в кровать. Подруга плещется в ванной. Засыпаю глубочайшим сном. Там слышу, ты спишь или притворяешься? Вымытая, благоухающая подруга на четвереньках

стоит надо мной. Конечно, притворяюсь, говорю я, бодро выскакивая из сна и протягивая к ней не только руки.

ПЯТЬДЕСЯТ ЕВРО

Вчера пришла на работу милая дама, филолог, чтобы купить мою картинку для своей бывшей студентки, выходящей замуж. Невеста защищалась у нее по дадаизму. Она разглядывала рисунки (принес их много). Восхищалась. Я, удивляясь сам себе, был абсолютно равнодушен к ним.

Ноль эмоций. Пятьдесят евро.

ТЫСЯЧА «ТАК ГОРЬКО»

Когда Лене был поставлен страшный диагноз, я сказал, что, как японская девочка, нарисую для нее тысячу рисунков.

Слово сдержал.

Это были рисунки на разного формата и цвета плотных бумагах (обрезках обложек, которыми меня щедро одарили в РИО Института истории искусств) в последней моей, спиральной манере.

Несколько лет назад я стал закручивать спирали. Из одних выходили люди, из других – животные, из третьих – монстры.

Когда я принялся за тысячу, то почувствовал себя Саваофом. Из-под руки выпархивал – а эта спиральная техника мгновенна (раз-два и готово) – новый мир.

Я не спас Лену Шварц. Мир частично войдет в мою новую книгу «Слова и рисунки».

Но это добро от этого худа так горько.

Так горько.

Так горько.

Так горько.

И т.д.

1000 раз.

МАНЯ И МАНДЕЛЬШТАМ

Однажды трехлетняя внучка спросила у меня: «Я настоящая?» Я был потрясен.

Маня и Мандельштам.

ВЕЩИ

Я помню первый телевизор – «КВН». Линзу. Потом появился «Рекорд». Радиоприемник «Сакта» с проигрывателем. Его зеленый огонек, таинственно мерцающий в стеклянном кружочке. Особенно восхитительно было глядеть на него в темноте. Польский серый телефон. Раньше телефона у нас не было. Эти вещи застряли в сознании вместе с людьми. Они как живые. Ножная швейная машинка «Зингер». Металлическая кроватка с сеткой (в крупных ячейках) по бокам. Мои первые очки в круглой коричневой пластмассовой оправе. Украденные в бане бежевые ботиночки. Чулки на резинках. Лифчик. Сахарные петушки на палочках. Ларек на Невском, в котором продавали пивные дрожжи. Машины «инвалидки». Ирис «Щелкунчик» с орехами и др.

25.08.2010

ПРОДАНО

Надо мной висит дамоклов меч. Надо написать «рыбу» для справочника, издаваемого Пушкинским домом, о себе.

С одной стороны, я люблю энциклопедии, как сухой остаток. С другой, выносить самому себе «смертный приговор» – сомнительная радость.

Но все-таки я полез в пухлую пыльную папку с рецензиями, и начал писать донос на самого себя.

Был у Кудрякова когда-то такой персонаж – «маэстро Доносов» в повести «Профессор астрономии», слушаньем которой я упивался в пенальчике на Боровой.

Перепросмотр – сложная процедура. Я ее побаивается, и мешает мне завершить сериал «Эго».

Придется сочинить еще одну серию для Пушдома, отправить свою шкурку на пушной аукцион.

– Продано!

КАК В ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Лену Шварц отвезли в ближайший морг психиатрической больницы, где часто лежал Олег Охапкин. Я помню, как она относила ему туда передачу. Охапкин умер в этой больнице и лежал до Лены в этом же морге. Морг прямо напротив Троицкого собора. Мы просто перенесли гроб через улицу. Лену подхоронили к маме на Волковском кладбище.

Могила Олега оказалась в нескольких десятках метров от Лениной. А между ними – Борис Понизовский, и все они похоронены вместе с мамами.

Все компактно, как в энциклопедии.

ПРОДОЛЖЕНИЕ №1

Однажды с Кириллом Козыревым и Борисом Останиным были на могиле Кудрякова, а потом отправились на могилу Эллика Богданова. Все этот разные концы бескрайнего Волковского кладбища. Борис похоронен с мамой, Эллик с папой.

Потом мы зашли в гости к Элле Липе, и я впервые в жизни увидел Веру Курочкину, последнюю жену Эллика.

ПРОДОЛЖЕНИЕ №2

Аркадия Бартова недавно похоронили в Комарово, там открыли новый участок кладбища, и как положено истинному постструктуралисту, он оказался на границе старого и нового сегментов Пантеона.

ПРОДОЛЖЕНИЕ №3

Давным-давно Кудряков позвал меня помянуть свою бабушку. Она дожила до ста или больше лет. Разбирала мулине на подоконнике весь остаток дней, по словам Бориса Александровича, а до этого полвека трудилась на ткацкой фабрике.

Прихожу на Свечной. Боб пьян в дупель. В его комнатке сидит за пустым столом приглашенный по тому же поводу неизвестный мне художник. А времена суровые – антиалкогольные. Мы пытаем Бориса, как партизана, где бутылка? Он мычит невразумительное.

Иду с дипломатической миссией к Анне Николаевне. Понимаете, Борис пригласил нас помянуть вашу маму… Все спиртное у Бориса, следует категорический отказ. Мы с художником твердо убеждены, что опохмел где-то заныкан, но Кудряков уже храпит.

Несолоно хлебавши, тащимся куда-то в район Финляндского вокзала, там можно добыть спиртное без талонов, а потом едем ко мне на Исаакиевскую

Спустя какое-то время Борис сказал, что художника убили, когда он сидел в будочке на железнодорожном разъезде.

А я забыл, как его звали. И спросить теперь не у кого.

ПРОДОЛЖЕНИЕ №4

С моим двоюродным братом, настоящим полковником, а был он тогда либо капитаном, либо старшим лейтенантом, решили навестить могилу бабушки.

Он взял бутылку коньяка, я, как малоимущий, хрустальную стопку и шоколадку. Бабушка была похоронена на Северном кладбище, в Парголово. Была поздняя осень, пошел снег, он покрыл все могилы. Ландшафт радикально изменился, и мы долго блуждали по громадному кладбищу, ища могилу бабушки. Уже совсем отчаялись. Давай выпьем, предложил я. А мы хотели это сделать на могиле, как положено.

Приложились.

Мир преобразился, и могила бабушки была найдена тут же. Кожаное пальто, в котором будущий полковник был на кладбище, он больше не надевал до весны. В апреле полез в карман и обнаружил мою хрустальную стопку.

А к бабушке подхоронили двух ее дочерей, Надю и Любу.

В памяти яркая картинка: родственник бродит под густым снегопадом среди белеющих крестов и пирамидок со звездами, как в каком-то карликовом лесу. Полная тишина. Дорога еще не была проложена рядом. Никого. Начинаются сумерки. И внезапная мысль-озарение. А стоит ли возвращаться в город. Тут так хорошо!

ПРОДОЛЖЕНИЕ №5

Серафимовское кладбище. Мы на могиле тетушки. Пьем водку. Яркое зимнее солнце. Вдруг родственница демонстративно улыбается мне, ощерив зубы. Я недоуменно смотрю на нее. Она продолжает дарить меня широкой улыбкой.

Оказалось, ей недавно поставили новые протезы. Она просто демонстрировала их.

Это было страшно.

Словно сквозь человеческую глупость ухмылялся дьявол.

ПРОДОЛЖЕНИЕ №6

А на могиле Лены Шварц выбита скупая надпись:
Елена Шварц.
17.V.1948 – 11.III.2010
26.08.2010

О ДОГАДЫВАЮЩИХСЯ

Мы не знающие, а догадывающиеся, потому что всё это от эдемского гада пошло.

Странное он существо – гад. Как он против Бога пошел, по его воле или по своей? Т.е., является ли он отклонением от Божественного замысла? Провокатор, он самостоятельный или вынужденный, этот райский Гапон? С этим первым грехом – история темная. Оказалось достаточно одного запрета, ограничения, чтобы началась вся эта драма человека.

«Запретный плод – сладок». Вот основа человеческого меню во веки веков. Едок картофеля будет всегда лезть в те блюда, куда не надо. Почему Россия была читающей страной – потому что была запрещенная литература. Человеком управлять надо через запрет. Отмените трезвый образ жизни, и алкоголики переведутся. Люди всегда будут двигаться туда, где висит «кирпич». Такова наша природа, жить против правил. Поэтому диссиденты – все, но не все об этом догадываются.

ВОТ И ВСЁ

Самое страстное, что есть в человеке, – это абстрактное начало. Оно ближе всего к Богу, оно невыразимо, оно непостижимо, оно невыносимо. Речь – мала для него. Только музыка. Только через эмоцию разум что-то воспринимает.

Нуль женского полового органа, единица фаллоса, восьмерки извилин бесконечности… Натуральный ряд чисел позвоночника. Счет и ритм, счет и ритм. Вот и всё. Вот и всё.

В СУИЦИДНОЙ МАНЕРЕ

Запрограммированные финалы симфоний раздражают, как и ритуальные окончания сказок, как и эякуляция. Не лучше ли оборвать повествование на самом интересном месте?! В суицидной манере…

ОЙ-ё-ё-ёй!

Всю жизнь пытался рисовать и писать музыку. Не жизнь, а течение чего-то неизвестного, называемого так.

Не истину, а приближение к ней\не к ней. Эти наши потуги. Эти

наши недуги. Эти наши радуги, иногда возникающие в сознании на миг.

Чем ярче такая радуга, тем мрачнее, когда она угасает. У Лены и фамилия-то была Шварц. С одной стороны, я ею восхищался, с другой, страшно жалел. Я-то понимал, каково это, когда нет радуги. А у нее-то она бывала двойной, тройной.

Ой-ё-ё-ёй!

КНОПКА БЕЗОПАСНОСТИ

Чтобы грамотно сочинять, сначала надо запустить синхрофазотрон мозга. Надо мозг разогнать, и тогда он начинает выдавать что-то удивляющее его носителя. Но если не соблюдать техники безопасности, то процесс может выйти из-под контроля. Чернобыль сознания.

Правильно остановить мозг не менее важно, чем включить. Некоторым для этого требуется запой. Другим смена партнера. Всякая тварь приспосабливается по-своему. У каждой своя кнопка безопасности.

ДО-РЕ-МИФ

А иногда моему мне кажется, что я – исполнитель. Вся эволюция это партитура, которую кто-то должен исполнить. Но мы в отличие от предыдущих ископаемых – и ноты, и исполнители.

Мы – ноты, увидевшие ноты.

Ноты атомной гаммы, так, кажется, писал Тейяр де Шарден.

Нота, осознающая себя как ноту, узнавшая собратьев по гамме, и задумавшаяся о законах композиции…

Д-ре-миф.

ЕДИНИЦЫ

Когда в числе прожитых лет появляется ноль, люди отмечают это как событие, а два нуля… это что?! Хм-м-м…

У меня скоро будет шестой (по счету, а не по порядку) ноль.

Пенсия это фонетически почти как пенис. Грубо говоря, три буквы вам! Кукиш прошлякам.

Я пережило среднестатистический возраст. Я вышло за пределы средней российской биографии. Я могу еще успеть выйти из этого я сам.

Все мы – спелеологи.

На свет из платоновской пещеры выходят единицы.

НЕЛЬЗЯ

Доброта – не сю-сю-сю. Доброта – печаль путника, перевалившего через хребет отчаяния. Он знает, что никому нельзя помочь, но не помогать тоже нельзя. Всю оставшуюся жизнь он будет брести в ущелье, между этих двух нельзя, без всякой надежды на понимание.

Нельзя.

ПАСТОРАЛЬ

Приятель Гоша теперь живет в Израиле.

Хорошо помню, как зимой мы с ним поехали в Лисий нос. Было, наверное, минус шестнадцать. Светило яркое солнце. Снег сверкал как шампанское. Мы пили водку на берегу Финского залива, рядом с зарослями пожелтевшей осоки. На морозе все запахи звучат мощно, как фуга. Как пах хлеб со шматом сала и кружком лука… Мимо нас проходил мужик, а когда он шел обратно, не удержался и сказал: «Завидую».

Одно время Гоша работал в Институте экспериментальной медицины лифтером. Там у него открылись экстрасенсорные способности. Он стал пользовать больных. В деревне, где он жил все лето, к нему шли с зубами, порезами, нарывами и др. Правда, когда одна дама присела в огороде, и энцефалитный клещ укусил в причинное место, ее пришлось отвезти в город. Муж не доверил Гоше врачевание.

В этой глуши я полюбил клен, который рос перед домом. Когда сидел за столом, а он редко бывал пустым, то вступал с деревом в некий контакт. Я протягивал к нему руки, растопыривал пальцы и чувствовал себя им, мы будто бы сливались. Это, может быть, в подсознании копошилась пьеса «Два клена», которую в детстве видел в ТЮЗе. Гоша, как человек тонкий, в такие моменты не лез ко мне с предложением «съесть по редисочке» (наша любимая закуска) – эвфемизм, означающий выпить еще по стопарику.

И вот, помню, сидим мы, изрядно выпив, вечером за этим столом, как вдруг является соседка с просьбой об исцелении. Гоша ее укладывает прямо в траву, сам встает на колени и начинает производить над бабенкой какие-то пассы, я тупо смотрю на эту пару, вдруг Гоша теряет равновесие и падает на пациентку. Та – звонко хохочет. Пейзане долго барахтаются в траве. Клен шелестит о чем-то своем. Я снова протягиваю к нему руки.

Пастораль.

VII

ИГРА В АДУ

Иногда остранение достигает такого уровня, что чувствуешь себя среди людей, как внутри чужеродного стада. Надо подчиняться законам стаи, иначе тебя сметут. Вспомним грациозные пируэты рыбьих косяков.

Мало того, надо искренне полюбить эти дикие обычаи, думать как они, стать ими.

И только иногда в минуты остраненного просветления позволять себе быть неизвестным никем.

Каким ветром тебя занесло сюда? Что это за игра в бисер перед свиньями?

Но ее обязательно надо вести до конца, эту игру в аду.

УГАДАЙКА

Когда большинство тех, кого ты опознал как не-этих, уже там, тебе начинает казаться, что и сам ты не только здесь. Начинается жизнь пополам. Ведь больше вспоминаешь прошлое, чем живешь настоящим. О будущем говорить и вовсе не стоит.

Ты потихоньку переваливаешь через хребет существования и начинаешь все быстрее (сила инерции) спускаться туда, где генетический калейдоскоп играет хромосомами в угадайку. Какой узор сложится на этот раз?

Мы – абстрактное кружево космоса на покрывале майи.

ПИШМАШ

Целый день перебирал книги для биографического словаря.
Публикации, публикации.
А ведь когда-то радовался этим изданиям. Вот – я!
А теперь – полное равнодушие.
«Я не знаю кому и зачем это нужно…»
И тем не менее продолжаю этот ненужник фиксировать здесь.
Ты – пишмаш.
VIII

ВЫ СМЕЛОВ?

Вчера, чтобы заполнить паузу между двумя делами, снова зашел на выставку Кудрякова в музей Ахматовой.

Там было какое-то мероприятие с неизбежной четой Фоняковых. Я тихо уселся позади. И вдруг слышу голос: «Вы Смелов?» Это блаженная смотрительница спрашивает. Догадываясь о разверзающейся бездне, вежливо отвечаю, – нет, – тщетно уговаривая себя: мало ли Смеловых.

Но нет. Блаженная, когда заканчивается собрание, настигает меня в другом зальчике. А я думала, вы Смелов! Помилуйте, он умер много лет назад. Я не знала, говорит смотрительница, лучезарно улыбаясь.

Я понимаю, что «жизнь наполовину» давно закончилась, и, может быть, мое неистребимое я – это хвостик ускользающей популяции семидесятников, которых вот-вот поглотит Стикс. Моя рожа еще видна на антрацитовой поверхности Черной речки. Она становится среднестатистическим выражением нас.

Вы Смелов?

ХРАП ОРГАНА

Еще помню, как мы сидели с Кудряковым на кухне, в хрущевке у меня на Железняка. Выпивали. Он стал падать с табуретки. Тогда скрывался от милиции, его обвиняли в тунеядстве и хотели посадить. Мне помогла архитектура начала шестидесятых. Благодаря узкому коридорчику, Кудряков мог держаться за стены руками, а я поддерживал его за обширную талию. Так паровозиком доползли до дивана. Гран рухнул на него. И мощно захрапел.

Когда Гран строил мне времянку на 63-м километре Приморского шоссе, то он там оставался ночевать в импровизированном убежище из полиэтилена и лапника. Я ночевал в городе. Подходя к участку, еще за десятки метров слышал рулады мотора его носоглотки. Казалось, такая конструкция рассчитана на века. В этом храпе было что-то пантагрюэлевское, мощь органа.

А вот…

ВЫ СМЕЛОВ? ПРОДОЛЖЕНИЕ

Сегодня же, будучи в гостях у Кирилла Козырева, я поведал ему новеллу «Вы Смелов?».

Он вернул ее в колею реальности.

Предыдущая выставка фотографий Бориса Александровича длилась месяц. И смотрительница сидела как раз напротив информации о нем, сопровождавшейся фотографией Бориса Смелова, на которой я и Гран стоим с дымящимися папиросами, после распития двух бутылок сухого в парадняке, на троих.

Лучезарная запомнила мою рожу, фамилию фотографа, а когда увидела меня, свела эти обрывки воедино: «Вы Смелов?».

IX

ПРОПАСТЬ БУДУЩЕГО

Летел на «Сапсане» в Москву. Офисный планктон поголовно ощерился ноутбуками. А я что-то писал в эту толстую тетрадь, водя по ней носом, слепнущий выродок рукописного века.

Люди безостановочно хватаются за мобильники, соловьиным трелям телефонов нет конца. За окном безмолвствует Россия. Ее уже никто не замечает. Наш паровоз вперед летит в пропасть будущего.

ВБЕГАЕТ МЕРТВЫЙ ГОСПОДИН

Вчера чуть ли не сутки мчался с приятелями (Наталья Азарова, Алексей Лазарев) на «Ягуаре» из Москвы на юг.

Первый раз в жизни побывал в Ясной Поляне. Минимализм толстовской могилы произвел сильное впечатление. В этом месте явно еще витает дух. Даже в доме он не весь выветрился.

А потом устроили пикник под Курском около тысячелетней каменной бабы, которую недавно выкопали. Это невысокое половецкое изваяние торчит на ровной тарелке поля, как символ мужества перед лицом беспредельности пространства.

Я здесь стою и не могу иначе…

В Харькове, который увидел уже поздно вечером, успели попасть во вторую по величине в Европе синагогу.

А я в этом городе почему-то все время думал о Введенском, которого отсюда увезли на смерть.

Вбегает мертвый господин.

ТВАРЬ, ТВОРИ!

Вчера впервые увидел (и услышал) про «Каменную могилу». Это под Мелитополем, около села Терпение и реки Молочная. Вместо кисельных берегов там уникальное природное изваяние, состоящее из превратившегося в плосковатые камни песчаника. Они лежат хаотично, кое-где между ними можно было ползать, чем не преминули воспользоваться пращуры, которые еще двадцать четыре тысячи лет назад начали там рисовать. «Тварь, твори» – это биологическая аксиома. О «подвале творческого дома» (Сологуб) вспоминал, когда ползал, как ящерица, между камнями. А на вершине этой груды затвердевшего песка стоял некто в священническом одеянии и проповедовал тетям-паломницам, поощряя их к священной войне за веру.

Это было так очевидно глупо, что даже не раздражало. Попирая ногами святилища древних, пастор урчал о преимуществах новых.

Какие могут быть преимущества перед Богом? Бред! Всякое существо само по себе символ веры. Даже клетка. Даже атом. Чтобы воплотиться окончательно, надо слиться с ними в одном ритме всего. Поэзия ищет именно это.

Утончить слух настолько, чтобы увидеть молчание Бога.

Тварь, твори!

Х

СЫПЬ, СЕМЕНОВНА

Прожито пять двенадцатилетних циклов. Вступаю в «детство старости». От «старости зрелости» здорово устал. Это время заканчивающихся ожиданий. Теперь следует ждать только одного события.

Оно настолько фундаментально, что невозможно к нему подготовиться. Все равно застанет врасплох.

Я дрогнет. Чем меньше его будет в загашнике, тем легче. Я-му сознания надо засыпать, что и пытаюсь сделать во всех своих словах и рисунках.

Сыпь, Семеновна!

ПРОЦЕСС ПОШЕЛ

Я смотрю на все амбиции коллег по цеху снисходительно. Каждый тащится за своим клочком сена с неистовым ослиным упрямством. Это типичное человеческое заблуждение, когда думают о своей роли в процессе, а не роли процесса в себе.

Кажется, я тут изящно свел Станиславского и Кафку.

Глядя на себя как на процесс, снимаешь множество идиотских вопросов.

Ты начинает высвобождаться в я. Это конгениально расщеплению атомного ядра.

Процесс пошел.

ПАМЯТНИК ЗАЛУПКЕ

Я давно не было на юге. Созерцание курортных маленьких городков навело на мысль о вольерах. Тоже безмятежная жизнь без проблем. То же ублажение плоти.

Все хорошо.

Но как тупо!

И вот ночью, пролетая на машине мимо гипсовой девушки с птичкой, символизирующей Алупку, я сообразил, что это памятник Залупке.

Царство тактильности.

Генитальный рай.

Течка бархатного сезона.

Алые паруса продолжения рода.

XI

МУ-У-У-У-ЧЕНИЕ

Земля перестает быть для меня родной. Я чуть-чуть вышло из игры. Наверное, немножко сместил точку сборки. Всех жалко без исключения. И помочь ни чем нельзя. Только продолжать мычать эти бессвязные тексты.

Му-у-у-у-чение.

ЛЯ-ЛЯ-ЛЯ

Да играть-то уже неохота ни во что. Как-то это унизительно. Так Любимов-актер, сидя в гримерке перед зеркалом, устыдился, и стал режиссером.

В детстве я тоже хотел стать режиссером. Неужели старость – это мой ГИТИС? От «режиссуры пишущего узла» («Записки неохотника») к режиссуре мозга. Будем ставить драму «Не-я».

Ля-ля-ля

XIII

КОГДА ЭЛЛАДА В НАС…

Попытки построения Рая здесь, как правило, связаны с пищеварением. Вчера сидел с Наташей и Алексеем в ресторанчике (три столика) на краю обрыва. Вид на море и скалы. Солнце играет с водой. Бакланы парят рядом. Это настолько напитывает наши зрение и слух, еще запах моря, что вино и еда тут скорее только акценты. В этой пространственной трапезе есть что-то литургическое. Ты как бы попадаешь вовнутрь стиха, и живешь по законам ритма, а не мирка. В тебе гармонизируется вечное начало, и ты на несколько мгновений обретаешь бессмертие в бокале Каберне, кофе и сигарете. Сейчас ты на Олимпе, ты греческий бог.

Когда Эллада в нас…

XIV

ЛЮБОВЬ КАК ЖАНР

Одна знакомая рассказывала недавно несколько часов о несчастной любви.

То есть любовь была взаимной, страстной, но в силу целого ряда обстоятельств не могла увенчаться браком.

Оба действующих лица романа по сию пору понимают, что упустили главную удачу своей жизни – друг друга.

Но может быть, думало я, лучше сожалеть о главной неудаче свой жизни, чем превратить эту удачу в рутину каждодневного совместного существования.

Диалектика любви иррациональна. Трагическое оставляет в ней глубокий след, а быт превращает поэму в водевиль.

Впрочем, каждый волен пытаться выбрать себе жанр по душе.

Кому – Ла Скала, кому кафешантан.

БЛА-БЛА-БЛА

В чем пафос этих записок. Ни в чем. Разматываю бобины мозга, с запечатленными на них словами и образами, Занятие такое же бесцельное, как и любое другое. Сейчас пойду на балкон, буду смотреть на море и читать про Блока. Смотреть на облака.

Бла-бла-бла.

XV

ПОКА ЕСТЬ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

Я оказалось сейчас в Москве, в квартире Азаровой на Остоженке. Ему здесь уютно. «Три ступеньки вниз», так называли разлив около Малой Садовой, на Невском возле Бабкиного (антикварного) магазина. Здесь три ступеньки ведут к моему логову и с видом на музей фотографии.

«Испанская деревня» в Алупке вспоминается как чудо. Голубой бассейн в форме кляксы из Миро незабываем. Особенно те вечерние часы, когда он подсвечен, а над ним солирует луна. Селеновая морская дорожка видна с террасы.

Айвазовский, изготовленный Алексеем, нахален до гениальности. Краски намешаны так хитро, что при малейшем изменении освещения картина меняется как хамелеон. Его же «Купальщицы», висящие над кухонным прилавком. Китайские иероглифы, вылезшие из «Букв моря». Его же проекции – разработки стихов Малевича. Архитектоны. Это скорее обиталище духа, а не грешной плоти.

На Остоженке нет этой дихотомии, здесь гармония компромисса в стилистике инь-ян. Оба начала уживаются здесь, пока есть электричество.

Ы

Тем, кто хочет метаморфоз, можно посоветовать простую процедуру: употреблять вместо я – ы. Эта буква загадочная.

Встав на место родного я, она высветит всю искусственность нашего эго. Что такое, например, «ы – думаю», «ы – люблю».

Поыкайте несколько дней, и ваше вы изменится, особенно, когда обнаружите в нем ы, не говоря уже о Ты.

Это ы долго ждало своего часа, и вот он пробил.

На заре туманной юности у меня была серия рисунков, в которых непременно фигурировала буква «Ы».

Ы все сказал. Хау.

ШТИЛЬ

Позавчера исполнилось шестьдесят. Как сказала переводчица Ду Фу, это первый день рожденья, который рекомендуют праздновать китайцы. До этого не стоит.

Может, оно и так. Но к этому времени почти все близкие люди уже там, приятели – далече. И необходимость празднований отпадает сама собой. Выполняешь ритуал, зовешь выживших. Праздник превращается в бюрократическое событие.

Ы не празднуют дней рождений, потому что их родина не здесь.

Они, вообще, волны, эти ы, им время не указчик. Главное, чтобы Дух веял. Самое страшное – штиль.

БУЛЬ-БУЛЬ

Всю жизнь, тем или иным способом, пишу портрет волны. Не сюжет, не засахаренный трупик схемы, а процесс.

В мире нет статики. Все движется, кроме Парменида и Фауста.

Просто скорость нашей динамики не позволяет нам различить динамику скал или вселенной.

В покое только точка сборки. Прежде, чем ее тронуть, подумай,

Не тронешься ли ты.

Одиночное плавание в себе – занятие не для всех.

Буль-буль.

МИСТЕР Х

Конечно, я допускает (ы понимаю), что процесс тоже может превратиться в сюжет (Кафка, например), став массовым явлением. Но пока он еще свеж, можно наслаждаться непредсказуемостью результата.

Я верю, схема будет!

Конечно, без нее не обойтись, но задача ы быть впереди схемы (или позади), там – в неопределенности.

Мистер Х, мистер Ы, улыбнитесь.

ОНА

Все еще не могу привыкнуть к тому, что Лены нет.
Универсум поступил жестоко, забрав ее у нас.
Зачем она Ему понадобилась?!
Не поговорить.
Она держала планку.
Она…

ДАОСВИДАНИЕ

Вчера хоронили Нину Павловну Снеткову, дожившую до 86. Испанистку, переводчицу, замечательную женщину без предрассудков. Я с ней дружил в последние годы ее жизни. Моей жене рассказывали, что на каком-то писательском банкете она вдруг предложила такой тост: «Выпьем за нас, фронтовых блядей!». Работала в госпитале во время войны.

Я приходил к ней на Гаврскую с двумя бутылками пива. Она его любила. Иногда с водкой. Из покоев выползал кот, подобранный на кладбище. Постоянно звонил телефон. Подруги, подруги, подруги.

Читал умеренно свои стихи и показывал рисунки. Нина Павловна рассказывала…

Какая жалость, что все это не запечатлено. Тот же феномен, что и у Эллы Липпы. Устное бытование литературы. Фольклор.

Мы лишаемся чего-то очень важного, когда такие люди уходят. Чувствуешь перед ними свою вину за то, что не записал, не сохранил. Но разве можно запечатлеть дао.

Даосвидания, Нина Павловна.

2.10.2010

И ХЛЫНУЛА ЗЕМЛЯ

Сегодня видел во сне Кудрякова. Он вышел на балкон и сел на заснеженный порог. Распускались облака, закрученные в «мою спираль». Небо становилось чистым.

Проснулся.

Решил погадать по Лене Шварц. И влип в «Летнее марокко», как муха в мед.

Читал и читал. Ее голос звучал во мне. Я вспоминал все, что она об этом говорила. Это, может быть, ее единственная страсть и породила барочную избыточность вкупе с почти протокольной передачей диалога.

Как это свежо. Просто чудо!

А горько-то как…

«И хлынула Земля, как ливень шумный…»

НЕ ГЛАГОЛЬНОЕ ВРЕМЯ

Второго октября открылась выставка (три скульптора, моя графика) в бывшей библиотеке Блока на Невском.

Странные люди спрашивали у меня, что означает узелок вместо причинного места. Они не могли понять, что узелок – это узелок. Я пишу про эти узелки уже лет тридцать.

«узелки смыслов фонетические/ жалко, что я не говорю по-человечески.»

Или «Запутанный узел сознанья/ распустит когда-нибудь Ткач».

И этот вопрос мне задает уже немолодая дама, художница. Какая…

Нет, лучше процитирую (по памяти) Вензеля: «У пивного ларька опять говорят о евреях/ Какая тоска!»

Люди не готовы к новому. Они на него не способны. Оно вспыхнет в них само, когда придет время. Те, в ком оно уже мерцает, – обречены на молчание своих каракулей.

Не глагольное время.

Ы ХОХОЧЕТ

Самое трагичное для творящей твари – полное равнодушие реципиентов. Нет резонанса.

Найти резервы только в себе, стать самодостаточным. Такие доблести на Земле не валяются, их надо заимствовать у Неба. И еще не известно, захочет ли оно с вами делиться.

Но если поделиться, то можно позабыть о социуме.

Ты – никто, а эта неопределенность обществу не по зубам. Оно дает тебе возможность делать то, что ты хочешь, столько, сколько ты и Небо этого хочет.

Ы хохочет.

КАК В ЭНЦИКЛОПЕДИИ

(Продолжение продолжений)

Поэт Александр Миронов умер 19 сентября этого года в хосписе на Фонтанке. Его отвезли в тот же морг, что Лену и Олега. Отпели в том же соборе, что и Лену, но захоронили урночку (вопреки тенденции) на Смоленском, а не на Волковском.

Я видел Сашу в последний раз на Лениной квартире, забирая оттуда завещанный мне телевизор (когда Лена обьявила мне об этом своем желании, я сказал, хорошо, возьму, если он будет показывать вас. Эх-х-х…)

Миронов тогда собирался переезжать (дом вздумали расселять, потом это отпало) на новую квартиру. Он был благообразен и полон планов. Думал, не вступить ли из-за этого в Союз писателей. Ничто не предвещало скорой катастрофы.

Еще задолго до публикации в 103-м номере «НЛО» Кирилл Козырев прочел мне стихотворение Саши о подаренном ему Леной Шварц календаре. Уже тогда оно произвело на меня сильнейшее впечатление. Что же сказать теперь, когда сюжет этих строк проступил окончательно.

Умирающий поэт дарит собрату по перу календарь, в котором оказывается обозначена дата смерти обоих. Разница – полгода. Миронов ясно понимает всю трагическую подоплеку подарка и пишет об этом, возможно, последнее стихотворение в своей жизни.

И теперь оно открывает раздел «In memoriam», посвященный Лене.

Эстафета смерти.

Наша литература обрела новую легенду. Оба поэта сотворили ее вместе, стоически зарифмовав судьбу.

МОЛЧУ

Я же помню Сергея Танчика, друга Саши. Помню его брата Вадима Танчика, православного марксиста-математика. С братом Колей (А. Ником) бывал у Саши – Сережи на Васильевском. Слушали музыку. Коля крестился. Сережа женился. В его жену был влюблен Кудряков. Там стали рождаться дети. Потом они разошлись. Сережа убыл из Питера.

И чего только это «я» не помнит.

Молчу, молчу, молчу.

04. 10.2010

ЗАЧЕМ

Вышла в «Петербургском театральном журнале» замечательная подростковая проза Лены Шварц.

Мало того, что мое минималистское предисловие купировали, так выкинули еще две строфы из трех из стихотворения «Ночь в театре», которые я приводил.

Почти привык к произволу неумных людей. Но каждый раз все равно вздрагиваешь от этой совдеповской привычки неуклюжего обрезания текста.

А кто-то еще сунул свою преамбулу после моей, оборвав ее на слове «мерзость».

Зачем?

И ТОЛЬКО ТЕПЕРЬ

Зачем? Впрочем, этот детский вопрос из песенки Ирмы Сохадзе (кто еще помнит это имя?) лучше забыть навсегда.

Целеполагание вредно.

Вот ювенильная проза Лены прекрасна. В ней, словно в процессе проявления фотографии, вдруг начинают проступать черты будущего большого поэта.

Творящееся творение. Именно процесс, о котором я писал выше. И так она прожила жизнь, все выше и выше, пока не забралась настолько высоко, что Творец забрал ее раньше времени.

Финал «Девочки…», по-моему, гениален. Или исчезающий я становлюсь сентиментален. Он у меня вызывает спазм. Глаза увлажняются. А ведь никогда никому эту вещь не показывала. Стеснялась?

Я помню свое удивление, когда она вдруг несколько раз упоминала, что в расположенном неподалеку от ее дома ресторане «Артист» будет выступать Юрский, сколько это стоит, и не пойти ли ей туда.

Я недоумевал.

И только теперь…

ТРУП ТРУБ

Вера глубже всего, что есть в человеке. Она древнее инстинкта, потому что уходит прямо в вечность. Она невыносима. Ужиться с ней невозможно. В чистом, беспримесном виде вера смертельна, поэтому ее разбавляют жизнью. Спиритус + жизнь = человек. Земля – коктейль. Человек – соломинка (Мандельштам). Через нас бытие пьет небытие. Мы – орг?н.

Труп труб.

9.10.2010

СНЕГ РАЗУМА

Я – нечто вроде материнской утробы. Выходить из нее не хочется. Но только выбравшись из интимности себя, можно снова родиться (умереть) еще при жизни. Ты вылупляется на глазах у твоего меркнущего я. Язык осознает всю свою беспомощность в описании новых процедур. Он пасует.

Я снова не может говорить. Ум покидает тонущее самосознание. Все становится ничтожно-нежным.

Снег разума.

НЕТОТ

У непонимания есть уровни. Нижайший – понимание. Это глубочайшее заблуждение ума, это гибель. Потом, если я сумеет вылезти из этой я-мы рационалистической парадигмы, оно открывает, что не все так, как кажется. Потом приходит табу на произнесение формулы «на самом деле». Потом наступает этап «все не так».

Тогда меняется ход времени.

Тик-так, тик-нетак, тик-так, тик-нетак.

Ты уже в не такте. Ты нетактичен. Та нетактилен. Ты неконтактен. Ты нетот.

Нетот.

НОВОЕ?

Нетот видит свертывающийся мир. Важное становится неважным. Главное – неглавным. И т. д.

Становится всех жалко. Даже гениев.

Их особенно.

«На самом деле» ничего не меняется, меняешься сам. Там, внутри, крошится известка структур, в тебе начинает плескаться что-то.

Новое?

ЛЕЙСЯ-ПЕРЕЛИВАЙСЯ.

Поскольку мы в основном состоим из воды, то услышав ее плеск – возрадуйся. Ты возвращается к истокам. Волна тебя возвращается в море. Раз-творись. Два-творись. Три-творись.

И так без конца.

Творись. Волнись. Лейся-переливайся, дорогой товарищ.

10.10.2010

№366

Наше сознание застряло в промежутке. Мы ушли от животных, но не доросли до ангелов. Отсюда перекос в я. Человек не холоден и не горяч. Он – 36,6

Заключенный №366

В ЭТОМ КОСМИЧЕСКОМ КОНФЕТТИ

Стихи – акустические приборы. Они – резонаторы миров. Когда вибрация рецепиента и стиха совпадают, у первого наблюдается эффект мурашек.

В одном поэте резонирует его деревня, в другом –urbi, в третьем – orbi, в Лене резонировала Вселенная. И теперь карта звездного неба, висевшая в гостиной, напротив которой я всегда сидел, когда бывал у нее, у меня в коридоре. Иногда я стою там и без всякой цели, разглядываю точки созвездий, читаю их названия. И мне почему-то мерещится, что в этом космическом конфетти…

О, ЭТИ ПАЛОЧКИ

Я это написал и только сейчас сообразил, что сегодня 11-ое число. Лена умерла ровно 7 месяцев тому назад.

Я сидел на работе. Ближе к вечеру мне позвонил Кирилл и сообщил о изменившемся характере дыхания.

Я это дыхание слышал 3 раза на дому: отец, мать, теща.

Дыхание Чейн-Стокса.

Дыхание Чейн-Стикса.

Потом Кирилл позвонил в половине двенадцатого и сказал, что Лена умерла.

И Кудряков умер 11-ого, только в ноябре.

«О, эти палочки», как писал Чапек.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ОБЛОЖКИ

Кудряков, по его рассказам, получал премию Андрея Белого вместе с Леной.

Едва ли они пересекались в дальнейшем.

И вот за несколько лет до смерти (года два) у Лены выходит, переведенная на английский язык книга стихов. Издатель присылает по интернету обложку. Он – жуткая.

Какая-то дама с коляской. Ни к селу, ни к городу. Полный бред.

Надо срочно предложить альтернативу. И тут Кирилл вспоминает о Кудряковской серии цветных снимков, где фигурка ангела постепенно погружается в трехлитровую банку с заплесневевшими солеными огурцами.

Я, когда увидел этого «запечатленного» ангела в рассоле, был потрясен. Тем более что этого ангела сам подарил Борису Александровичу.

Тогда еще был жив Дасик (Д.Н. Перельман). Мы выпивали как-то у него традиционные три бутылки сухого. Одна оказалась немецкой, с пришпиленным к ней ангелочком. Его-то я и всучил Кудрякову впоследствии.

Дасик покончил с собой 15 марта 2005 года в одном месяце с Леной и одном году с Кудряковым.

Так, благодаря этой эстафете, возникла обложка. Английский издатель принял ее благосклонно, но поинтересовался, что за змеи плавают в банке. Потом кннмга лежала в витрине музея Ахматовой на посмертной выставке Бориса Александровича.

МАЛЕВИЧ ЭТО БЫ ОЦЕНИЛ

За все пять с чем-то лет нашего знакомства Лена ни разу не была у меня дома. Я предпринимал неоднократные попытки зазвать ее в гости. Визит все откладывался, а потом, после появления Хокки, это стало не реальным.

Поэтому несколько своих дней рождений я отметил с Леной у нее.

Правда, не в строгом соответствии с календарем.

Она мне много рассказывала о магазине «Гурмэ» на задворках Варшавского вокзала, где продавалась экзотическая всячина. И я предложил ей пойти нам вместе туда и купить закуску. Поскольку репертуар этого заведения Лена успела изучить досконально, она пошла туда одна, а я остался с Хоккой, который всеми силами своей самурайской души рвался за хозяйкой.

Вместо того, чтобы бегать по травке за птичками и последними бабочками, он, поняв, что в магазин попасть не удастся, сел, как вкопанный, на газон. Прошло время. И вдруг крошечная собачка рванулась так, что едва не вырвала поводок из руки. Это Лена появилась на пороге магазина с двумя большими белыми пакетами.

Она держала их в поднятых руках. Бабье лето. Последнее тепло. Солнце, в лучах которого танцуют падающие листья.

Это мгновение застыло в моей памяти навсегда. Маленькая фигурка в черном с двумя белыми квадратами пакетов, воздетых к небу.

Малевич это бы оценил.

11. 10. 2010

О, ЭТИ ПАЛОЧКИ. ПРОДОЛЖЕНИЕ

Когда одиннадцатого я ехал на работу, мне позвонил Кирилл и сказал, что в 17 ч. 05 м. будет по «Культуре» фильм в серии «С потолка» (ведет ее из своей артистической Басилашвили) о Дине Морисовне.

На работе сразу включил телевизор. Передача началась с того, что детскую фотографию Лены показали, как детскую фотографию Дины, а закончилось чтением Лены стихотворения «Троеручица». Съемка 2000-го года. Видно, что она читает его с огромным трудом. Видно, что она измучена. Мать умерла в 98-м. Смерть совсем рядом. На это больно смотреть.

А вчера мы ездили с Кириллом на Волковское, чтобы сфотографировать надгробье для «будущего» сайта. («За будущее не пьют», – всегда останавливала меня Лена, когда я пытался произнести футуристический тост.) Листик прилепился к черному мрамору креста.

А на могиле Охапкина к деревянному кресту было прикреплено объявление о вечере памяти в музее Достоевского 3-го октября.

Потом взяли журналы с ювенильным шедевром (в ПТЖ, на Моховой) и отвезли их Кириллу. Помянули Лену. От него поехал в Шемякинский центр на Садовую, чтобы отдать Александру Петрякову ксероксы статей о Кудрякове. Он пишет для Пушдома в писательский словарь. В Центре, как всегда, тусклое электричество и тихая (не кудряковская «лихая») жуть, которая иногда веет от излечившихся алкоголиков.

По дороге купил шкалик «Киновского», который мы распили вместе с Надеждой. Обретя речевую мобильность, звонил Горнону и Азаровой в Москву. Последняя вся в докторской, 14-ого защита.

Домработница Лючия (дама из Молдавии с высшим образованием) исчезла в этот ответственный момент. Звонит каждый день и сообщает, что завтра появится…

Устроила Лючия Азаровой де Ламермур.

13.10.2010

ТЕКСТОВ РОЙ

Лючия вернулась. Азарова защитилась. Моя киевская издательница, Людмила получила сигнал книжки «Слова и рисунки». Неполное собрание текстов. Том второй.

Текстов рой!

КТО ТАМ ШАГАЕТ ПРАВОЙ

Все эти процессы, происходящие в нас (пищеварение, кровообращение, дыхание, мочеиспускание, мышление) – протекают одновременно.

Но мысли мне стали ближе тела, о теле вспоминаю, когда оно болит, а о мыслях думаю постоянно. Пытаюсь их понять. Почему они мои? В чем тут моя воля?

Диарея, застающая нас неожиданно, вызванная неизвестно чем, разве она – не откровение для организма? И ты, выкормыш социума, должен заклинать распускающийся сфинктер продержаться еще немножко, чтобы не обделаться у всех на виду. Иначе – катастрофа.

А мысли, настигающие нас, как Артемида. Поражающие в самое сердце. Эти спонтанные убийцы-ниоткудники. Они в своей неожиданности и неотвязанности разве не та же диарея?

Эти процессы циркулируют в нас, как вода в батарее парового отопления. Воды нет, батарея холодная: труп.

Что в этой батарее мое? Все поступает, откуда-то оттуда. Не я ее и изготовил. А вот не-я изготавливается из собственного эго. Это не-я уже не совсем автомат-человек (человек-машина). Оно немножко пробуксовывает на наезженной колее прогресса.

– Кто там шагает правой?

– Это я, не-я.

КРИК ТИШИНЫ

Что, собственно, сделала Малая Садовая? Она чуть сместила точку сборки. Мирмозг заиграл по-новому.

Слушайте музыку революции.

У каждого она своя.

Надо идти на звук, если ты поэт.

Чистый звук молчания.

Ноль – это крик тишины.

ИСТОРИЯ ПРОКЛАДОК

И что такое сингулярная точка, как не взорвавшийся ноль. У Вселенной взрывная беременность.

Акт эякуляции – бледная копия того взрыва.

Разлетающиеся сперматозоиды галактик.

У женщин – луна-красна.

Гендерная астрономия.

Земля оплодотворилась, бедная.

Менструальные циклы человечества.

История прокладок.

16.10.2010

«СО СКОРОСТЬЮ ТОГО СВЕТА»

Априорная уверенность в самих себе. Чувство собственного достоинства. Гордое – «я думаю».

Как все это смешно, если хоть чуть-чуть вылезти из ослиной шкуры парадигмы «человек» в неизвестность.

Держись, геолог, крепись, геолог.

Это маршрут в одну сторону. Пути назад нет.

«Мозг повернулся в нетуда».

Ты один на тропе-молнии. Она мгновенна.

Надо двигаться «со скоростью того света» (Арсен Мирзаев).

НАМИ ПИШЕТ МОЛЧАНИЕ

Мое кукареканье в этом окомфортившемся мире – идиотизм. Но оно, как театр Но. Истоки не во мне. Меня взял процесс. Это его работа. Я вещает.

Причем мозг как бы говорит вслух. Рука пишет под диктовку.

Так Кудряков говорил в последние годы, с удивлением глядя на правую руку: «Она сама пишет».

Нами пишет молчание.

БЕДНЫЙ ЙОРИК

Сюжет – это ты, отстраненно созерцающий я. Он творится по мере письма.

Сам по тебе.

Я стало бумагой. Хорошо, если ручной выделки. Хуже, если туалетной. Тогда тобой подотрется социум.

Надо стать непригодным.

Художник – не нужник.

Старые сюжеты умерли. Они – музей. Наскальные рисунки. Трупы прошлого. Их еще долго будут хоронить. Могильщикам заплатят за ритуал.

Бедный Йорик!

ФАБУЛА

Мы живем в Мирмозге, как Иван Иванович с Иваном Никифоровичем жили в Миргороде. Лужа – это наша испаряющаяся протоплазма. Тело запустило мозг, вторую сигнальную систему, мозгу предстоит запустить третью. Новый сюжет выйдет из этой шинели-шанели №3. Все прочее – фабула.

19.10.2010

НЕСУЩИЕСЯ

Мои рисунки-спирали идут от чего-то общего для всего (и живого, и неживого). Я не хотело бы проповедовать «свою» спираль, как Стерлигов чашу. Но нарисовав тысячи этих извивов, я шкурой почувствовало ее фундаментальность. Все изивается-закручивается, и галактики, и змеи, и Крученых, и мозг, и циклоны.

А вода, покидающая ванную, вращающаяся перед отверстием слива, не так ли закручивается сознание умирающего перед выходом в бездну. Проносится (прокруживается) жизнь.

Большой вальс сущего.

Несущиеся.

ОНО

Вообще рисование, как и письмо, никогда не было для меня чем-то конкретным. Да, выходило в результате что-то конкретное. Но, чтобы его получить, я бросалось в абстрактное: пятно, линию, точку, спираль.

Так из пляски аминокислот получается жизнь.

Искусство, религия и наука занимаются одним и тем же феноменом, только каждое направление раздувает свою точку зрения до параметров Вселенной.

Эго-истина превращает истину в истерику.

Истина – ОНО, в котором и я, и ты, и мы, и все-все-все.

ОНО – неисповедимо.

Это – палиндром Бога.

ОНО.

СЕРДЦУ БОЛЬНО

Варю суп из лисичек. Вспоминаю Лену. Она его готовила по рецепту мамы.

Однажды гуляли у Никольского собора. Она оставила мне Хокку, который тут же изобразил из себя соляной столб и побежала к Троеручице. У меня была фляжка коньяка. Я к ней прикладывался. Лена глотнула один раз.

В кепке она походила на Гавроша. В ней плескалось море отваги. И это мальчишество-кибальчишество непостижимым образом сочеталось с женственностью. Потаенной, ненавязчивой. Она как бы игнорировала ее. Это было потрясающе, так же как и ее дар. Она вся была чудом, живым доказательством Бога.

Зачем Всевышний так безжалостно стер его? Вопрос некорректный. Я понимает. Я молчит.

Но почему так по-детски, неприлично для моего возраста больно?

Сердцу больно…

20.10.2010

КВА-КВА-КВАЗИ

Бытовая химия: химические языки мозга. Ода к радости – серотонин. Любовный, эфирный напиток – феромоны. И из этого клубка всякой всячины лепится колобок эго. А если в зубчатой передаче генов сломается один зубчик, то это повлияет на индивидуальность необратимо. Цвет кожи нас волнует, а к цвету кишок мы индифферентны. У эго, как у ленты Мебиуса, одно измерение – я. Ты – это уже выход в двухмерное пространство. Ты – это уже квадрат квази-мира.

Ква-ква-квази.

ПРЫГ-СКОК

Я придется научится стыдиться самого себя. Это неизбежно.
Грядет эпоха остранения.
Будут психические ранения.
Больно будет и уму, и сердцу.
Но без этой метаморфозы – гибель.
Предстоит пережить эволюционный скачок.
Прыг-скок, нейроны!
Прыг-скок, хромасомы!
Прыг-скок, гормоны!

СКРИПКА НИЧЕГО

– Кто ты такой, чтобы вещать об этом?!

–Я уже никто. Это ОНО через меня вещает. Буря мглою мозги кроет. Вихри (тоже спираль?) в полушариях крутя.

–Что значит сказанное?

–Возможна ли в моем случае ответственность за переданные слова? Телевизор – слеп, глух, и нем. Он транслирует ни. Он транслирует че. Он транслирует го.

– При помощи вибраций?

– Скрипка Ничего.

ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ ЧЕРЕЗ

– Кто это говорит?

–Никто ни с кем.

–Где это происходит?

–Везде-нигде в голове.

–Это блеф!

– А что не блеф? По крайней мере, это формулируется во «мне» сейчас, само по себе. Оно говорится. Здесь нет ни насилия, ни желания. Это прямое действие через и все.

25.10.2010

Вверх ногами

Великая иллюзия – не только кино. Это – все. На что потратили двадцатый век? На иллюзию. Миллионы жертв социального иллюзиона. Эти страшные кадры хроники, когда бульдозер сбрасывает трупы в ров. Их множество. Они валятся друг на друга, эти несчастные «я» Второй Мировой.

Я-ма.

Человек извел себя на иллюзию.

Утешение – в абстрактном, а не в конкретном. Надо выйти из сущности в переливающиеся формулы.

Однажды с приятелем Витей, который заперт теперь в своей квартире, похоже, навсегда, мы стояли на набережной Мойки, неподалеку от коммуналки на Исаакиевской и выпивали.

Вода бликовала. Казалось, светящиеся человечки, воины света, идут и идут по ней без конца.

Лучистое человечество.

Гляди, Витька, сказал я, видишь эти сияющие фигурки, они идут к нам. Зачем?

Витька абстрагировался и увидел.

Он так по пьянке увидел, что вздрогнул и испугался.

Может быть, они и идут к нам, эти светлячки, солнечно-абстрактные зайчики калейдоскопа информационного поля.

В любви, когда она достигает своего апогея, тоже открываешь в другом абстрактное.

Душу.

Вечная любовь – высшая форма абстракционизма.

Соитие формул.

Вибрации ритмов.

Пятна фракталов.

Борис Ванталов.

Чем не абстракция?

Абстракционист сам по себе.

Поллак по-живому.

Собственное я сделал абстракцией. Перевернул, как Кандинский, вверх ногами. Вишу в рамочке собрания сочинений. Покупайте, недорого.

6.01.2011

Местоимения ничто

Купил «Александра Первого» Дмитрия Мережковского. И сразу же обнаружил в нем рудименты Мейстера Экхарта на девятой странице.

« – Я вижу, дорогой мой, вы все еще не можете освободиться от самого себя и обратиться в то ничто, которое одно способно творить Волю Господню», – проговорил дядюшка и завел глаза к небу».

Эта сентенция вложена в уста реакционера-мистика, министра народного просвещения и обер-прокурора св. Синода, князя Александра Николаевича Голицына.

На Исаакиевской, рядом с Синодом, мое Ничто просуществовало лет десять в XX веке.

А Голицын основал «Библейское общество». А я попросило завещать Лену Шварц ему ее Библию. Неспроста все это.

Местоимения ничто.

9.01.2010

Аракчеев, ау!

Продолжаю читать Мережковского, на стр. 53 обнаруживаю: «Задача была слишком простая, придумал посложнее: сколько надо щебенки для шоссейной дороги от Грузино до Чудово».

Это латифундист Аракчеев так развлекался. А я ведь в тех местах маршировал не раз, добираясь к Гоше Никитину в Юршево. От Чудово до Грузино на автобусе, а потом пехом 11 км.

Когда не было дороги, приходилось идти какими-то партизанскими тропами за провожатым. Шаг вправо, шаг влево, и ты проваливаешься по пояс в вонючую жижу. Потом насыпали (щебенка!) дорогу, Гоша купил «Ниву». Жить стало легче, но не веселее.

Не раз я оставался на несколько дней в доме один. Аборигены не заходили. Было по-первобытному тихо. Иногда среди ночи на кровать вскакивала киса Лариса, которая пропитание добывала себе сама. От хозяев ей требовалось только молоко.

Однажды, выходя на улицу, спускаясь по лестнице, я провалилось. Ступенька (громадная в старом деревенском доме) вдруг под моей ногой заколебалась и рухнула в глубину подполья. Нога устремилась туда же, в андеграунд. Я стало судорожно хвататься руками за бревна и шлепнулось задом на целую часть лестницы. Провал зиял. Пришлось забивать его пустыми ящиками, чтобы не прыгать, соревнуясь в ловкости с горным козлом.

А если бы свернул в тот момент себе чего-нибудь, так бы и лежал там, пока друзья-хозяева из города не вернулись.

Аракчеев, ау!

11.01.2011

Грамматика себя

А другой Дмитрий, современник, человек-фонтан, по фамилии Быков, пишет сегодня в «Известиях» (12.01. 2011, стр. 6). В связи со 135-летним юбилеем Джека Лондона: «Это развитие уперлось в тупик, и нужен эволюционный скачок – потому что нынешний человек Олигархию скинуть не способен».

Не понимая, что социум – проекция мозга. Пока балом там правит эго, расширенное воспроизводство сожрет все. Это безысход.

Надо менять грамматику себя, если не поздно.

Отрешение

Я должно быть заменено на ты. Надо попытаться взглянуть на я как на нечто постороннее. Субъект превратить в объект. Отрешиться.

12.01.2011

Предвкушение свободы

– Что значит отрешиться?
– Перестать быть только собой.
– Это как?
– Надо выделить из себя наблюдателя.
– Чтобы что?
– Чтобы наблюдать…
– Что?!
– Собственное ничего.
– Какая радость!
– Это не радость, это покой.
– Заупокой?!
– Да.
– И все?
– Можно еще пытаться дирижировать хаосом себя.
– Стать музыкой?
– Музыкой стиха.
– Петь, танцевать?
– Петь молча и кружиться, как звезда.
– И…
– Тогда будет свет.
– Загорится тьма?
– Сгорит эго.
– И что?
– Одним местоимением станет меньше.
– Это свобода?!
– Это ее предвкушение.

Пишу мозгом

Когда входишь в «свой текст глубоко» или, наоборот, он входит в «тебя», то начинаешь его обнаруживать всюду.

Коитус с континуумом.

То в Мережковском, то в Быкове. Вот сейчас подвернулся Константин Кедров.

Когда-то был у него с Леной Пахомовой в гостях. А его молодая киношная родственница выпытывала у меню, что думаю о фильме «Луна-парк» Лунгина.

Я ничего не думало.

Оказывается, там была «тонко запечатлена атмосфера дома Лунгиных», о котором не имел тогда ни малейшего представления. И узнал только в другом веке из «Подстрочника».

Так вот, номинант на Нобелевку пишет в «Известиях» (14.11.2011, стр. 15) в связи со 125-летием со дня рождения Ильи Эренбурга. «Со слов Эренбурга мы знали его (Пикассо – Б.В.) творческий манифест: «Я пишу не кистью, а мозгом».

Конечно, я в свое время прочло «Люди, годы, жизнь», но только сейчас оно читает по складам, медленно, как первоклассник. «Пи-шу моз-гом».

Спасибо, Кедров!

14.01.2011.

О, эти палочки!

(Продолжение продолжений)

Прочел у Мережковского, что Павла I убили в ночь на 11 марта. Невольно вздрогнул. Затарахтели мыслишки: он тоже был маленького роста, приступы ярости, рыцарство.

Еще 11-е сентября.

Вообще, 11 – интересное число. Цифры исчерпываются на 9-ти, и тут нужно вернуться к началу и вспомнить ничто, тогда эта парочка образует новый порядок, ничто оказывается после всего, а потом после первого всего ставится второе все и возникает неделимое 11.

Но лучше бы его не было!

10 месяцев прошло

Долиной смертной тени

В конце Библии есть список любимых псалмов Лены. Может быть, она их все знала наизусть.

Это – 8, 15, 22, 38, 41, 50, 89, 90, 130, 138.

В связи с предыдущими изысканиями заглянул в 22.

«Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня».

Последний раз, когда мы сидели на 5-ой Красноармейской за столом вдвоем, она сказала, что э_т_о не страшно. За ее спиной на стене простиралась карта звездного неба. Два черных круга-полушария, как крылья, обрамляли тающую фигурку.

И был день. И на столе горела свеча. И это было в последний раз.

Хокки уже не было. Он был у Кирилла.

15.01.2011

Цып-цып-цып

Коитус с континуумом продолжается. В «Известиях» (17.01.2011, стр.7) Людмила Улицкая вещает в качестве профессионального биолога-генетика: «Мы сейчас находимся в состоянии эволюционного скачка».

Кто эти «мы»? Замятин?

А, может быть, Малевич?

Игорь Владимирович Бахтерев?

Ры Никонова?

Беккет?

Где скачок, а где «я-мы».

Общество потребления скакать не может. Оно обречено. Духу тут и веять негде. Вместо духовной эволюции – социальные революции.

Цып-цып-цып, и на шашлык.

тОчка

Скачок, как предчувствие. Как захватывающая дух перспектива. Теперешний курятник похоже окончательно превращается в птицефабрику. С одной стороны жалко, а с другой…

Как там у Флоренского в «Итогах» – не_надо.

Не надо ада.

Е адо да

До а

О.

– тОчка

18.01.2011

Расслабьтесь и получите удовольствие

Вчера из Израиля звонили Никитины. Гоша, полуодетый, сидя на лавочке в садике (гинеде), рассказывал мне, глядящему в окно на суровые сугробы, о сучьем свойстве точных наук объяснять одни фундаментальные понятия через другие. Так точка образуется посредством пересечения двух линий, а линия – кратчайшее расстояние между двумя точками. Такой способ познания, одно через другое, никогда не приблизит к Богу, который другого не подразумевает.

В этом плане «мое» жертвоприношение я научнее самой науки. Мозг нащупывает новый язык познания через меня, через вас, через нас.

Яки, расслабьтесь и получите удовольствие.

Топ-троп

Да, от коитуса с континуумом до коитуса с мозгом – один шаг.

«Да, да, очень нелегки / в неизвестность первые шаги» – пророчествовало радио в семидесятых. (Тамара Миансарова?)

Прямо по раздваивающейся дорожке, милый стриж.

Топ-троп, топ-троп.

20.01.2011

Болван

Может быть, я иногда не в заумь уходит, а в какое-то камлание.

В башке надо включить радугу, и тогда по ней польются, заскользят слова-дожди, орошающие нейронную пустыньку.

Заколосится флора мысли.

Созреют зерна идей.

Их склюют пролетающие мимо стайки ангелов.

Ты жило не напрасно.

Болван.

21.01.2011

Спасибо

«Сам вышел из себя». Это же духовная космонавтика.

Ты – terra incognita. «Эра ментальных путешествий».

Оказывается, почти всю жизнь я говорю одно и то же. Повторение – мать учения.

Если бы атомы в молекулах каждый раз складывались по-другому, по-новому…

Бесконечное лего божественного конструктора.

Разобрать двойную спираль себя и сложить ее к стопам Универсума.

Спасибо!

Нестрашная неделя

Дочитываю Мережковского и уже в конце книги (стр.505) умирающий Александр Первый говорит императрице: «Не страшно, Lise, не страшно».

Вот и это повторилось. Два «не страшно» выпали на субботу и воскресенье.

Нестрашная неделя.

Три товарища

Дальше – больше. Вскрытие Александра (стр.510): «При отделении пилою верхней части черепа из затылочной стороны вытекло…»

Стр. 512 – «Хотя выражение лица очень изменилось, когда при наложении отпиленной верхней части черепа на нижнюю натягивали кожу с волосами…»

Борис Александрович, Борис Александрович!

Александр Павлович, Александр Павлович!

Дмитрий Сергеевич, Дмитрий Сергеевич!

Новый узелок на памяти.

23.01.2011

БАН-дурист

Вечным может быть только абстрактное. То, что словам не по зубам.

Поэзия трепещет вокруг него, как мотылек около свечи, и либо сгорает в безумии зауми, либо, опалив крылья, ползает по земле в поисках гибели.

Абстрагироваться от я – задача поэта. Смотреть на психические процессы, протекающие в тебе, как на природные явления. Из этой отрешенности и возникает ты-наблюдатель, созерцатель эксцессов себя, коллекционер мыслей и эмоций, слепой музыкант, играющий на ситаре судьбы.

БАН-дурист.

24.01.2011

Продолжение коитуса с континуумом

Снова газетные изыскания.

Репортаж из перегоревшего БАНа.

Сдам туда когда-нибудь комплект «Крещатика» (сейчас их уже больше 50-ти номеров).

В «Известиях» от 2.02.2011 (номер страницы впопыхах отрезал) упомянутый фонтан, Дм. Быков, пишет в связи с 90-летием первого заседания «Серапионовых братьев»:

«(…) живая растерянность хорошего человека, осознавшего, что быть человеком уже недостаточно».

А я о чем писало: «Быть человеком мозгу больше не охота». Читайте «Записки неохотника»!

Читайте «Чайку» Чехова!

Три Ч – чичаче

Вчера смотрели с женой «Чайку» в постановке Йонаса Вайткуса. Он пытается демонизировать Чехова еще круче, чем Кристиан Люпа («Чайка» в Александринке).

Чехов становится все более и более обэриутским. От него разит и футуристами теперь.

Это бесстыжие игры времени. Сумеречные настроения сменяются заревом ада и дада

Но это общеизвестно. Я же обалдело, услышав (сто раз слышанную) реплику Дорна: «Нет, не пустяки. Вино и табак обезличивают. После сигары и рюмки водки вы уже не Петр Николаевич, а Петр Николаевич плюс еще кто-то; у вас расплывается ваше я, и вы уже относитесь к самому себе, как к третьему лицу – он».

Значит, мое я теперь под вечным кайфом. Пить больше не надо. Хорошо бы и не есть и не спать, как было на той моей открытке, изданной Таней Михайловской, что висела у Лены на 5-ой Красноармейской. «Никогда не спи, ничего не ешь».

Мои шипящие авторы: Чехов, Шекспир, Щедрин, Шопенгауэр.

У А. П. – апокалипсис на даче. У В.В. – Солнце Хиросимы на даче.

Читайте Чайку Чехова

Чичаче

Попейте чайку на закате европы, чтецы.

На надгробье Аверинцева вырублено: «Чтец».

4.02.2011

Ты – роды

Вчера после гостей включил телевизор, обнаружив в программе на канале Культура документальный фильм «Избранный».

Я не имело ни малейшего представления, что это за избранник (но понимало, что это не Томас Манн).

И вдруг (золотой ключик фабулы) оказалось, что фильм про поиски мальчика, в котором (очередной отказ очередной ручки писать) должен воплотиться выдающийся лама. Его ученик бродит по горным селам и общается с полуторагодовалыми младенцами, предлагая им поиграть с четками. В конце концов один из них тянется к четкам ламы. Потом его везут на испытание, где из множества вещей, он отбирает вещи покойного ламы. И в конце концов Далай-лама утверждает его в качестве восприемника. По ходу съемок малыш подрастает. Ему сбривают волосы, семья соглашается, и трехлетнего ребенка везут в монастырь. Там, глядя на фотографии покойного ламы, дите указывает на них пальцем и провозглашает: «Они – это я».

Моему я это понравилось.

Оно похоже понесло от континуума.

Я больше не девушка.

Эго беременно.

Ты – роды.

6.02.2011

Мистик поневоле

Вчера режиссер Борис Павлович привез из Вятки спектакль «Видимая сторона жизни». На Володинский фестиваль. Играли в Большом театре кукол на Некрасова. В фойе.

Из БДТ были Лена Попова и Ирина Шимбаревич. За нашим столиком сидели Кирилл, его жена Женя, Надежда и мое я.

Последнее старалось удерживать слезинки, которые вытекали из-под очков.

Временами казалось, что дух Лены проносится сквозь нас.

Актрису зовут Яна. Это, как напомнил Кирилл, роковое для Лены имя, так звали последнего врача Дины Морисовны и лечащего врача в Песочной, откуда Лену отправили домой умирать.

Своеобразное изящество у фатума. А сколько у него еще таких рифм распихано по людским судьбам. Разве за всеми уследишь?!

Сразу вспоминаешь название цикла Лены: «Стихи для себя и для Бога».

И все это в театре кукол.

Поневоле станешь мистиком.

07.02.2010

Театр Кукол

Стихи продолжаются. Я покупает (все еще!) дешевые книги (99 р). И вот купило оно роман Сомерсета Моэма «Театр». Есть куча его версий в кино и на сцене.

Трофеи (о Эредиа!):

1). «Но что это? Другое внутреннее ее «я» прекрасно понимало, что она делает. Это «я» разделяло ее боль и одновременно наблюдало, как она ее выражает». (Стр. 168)

2). «Это была неведомая ей духовная субстанция, озарение, которое, казалось, нисходило на нее свыше. И посредством нее, Джулии, совершало то, на что сама Джулия была не способна. Она была обыкновенная, довольно привлекательная стареющая женщина. У ее дара не было ни внешней формы, ни возраста. Это был дух, который играл на ней, как скрипач на скрипке. Пренебрежение к нему, к этому духу, вот что больше всего ее оскорбило» (стр.193).

Позавчера я написало: «Временами, казалось, что дух Лены проносится сквозь нас».

И вот этот дух объективируется (ха-ха-ха!) у Моэма.

Все эти демоны, внутренние голоса, бесконечные вариации на тему «ты», выхода из человеческой интимности в мир абстракций, саги о марионетке, созерцающей «свои веревочки, уходящие в бесконечность».

Да что говорить, достаточно вспомнить последнюю строфу (которую дурочка из «ПТЖ» выбросила во вступительной заметке к публикации «Девочки со 144 родинками») из стихотворения Лены Шварц «Ночь театра» (2007 г).

И осеняет озаренье
Мой мозг под чепчиком седин:
Актеров, нас, тут мириады,
А Зритель он всегда один.

Всем спасибо

Вообще с каждой написанной и прочитанной новой книжкой я все больше вкатывается в пространство стиха судьбы. Если раньше у него резонировали только книги, то теперь, в связи с возрастом, начинают резонировать и люди тоже. Это необозримое сверх-стихотворение прочитать невозможно, но можно услышать его гул.

Спасибо, Осип Эмильевич. Спасибо, Александр Александрович. Спасибо, Елена Андреевна.

Всем спасибо.

Ничто

– Что такое стих-судьба?
– Это жизнь, воспринятая через ритм.
– Как эти ритмы передаются?
– Как вибрации.
– Все вибрирует?
– Все.
– Как узнать свой ритм?
– Никак.
– ?
– Надо жить и прислушиваться.
– К чему?
– К самому себе
– И…
– И выйти за пределы себя.
– Что это даст?
– Ты узнаешь свой ритм.
– И…
– Ритм ближе к абстракции, его передают через соотношение цифр, он пифагоричен.
– И…
– Ритм – это Рим срединного царства, расположенного между плотью и духом.
– Вибрации – это тропы-молнии?
– Да.
– Как по ним передвигаться?
– Надо самому стать вибрацией под смычком судьбы.
– И это будет стих-судьба?
– Да.
– А кто его прочтет?
– Твое Ты.
– И что?
– Ничто.
9.02.2011

Сделано

На днях Кирилл Козырев рассказал восхитительную историю. Он гулял с Хоккой, и какой-то дедок, глядя на собачку, изрек: «Шустрый, как Ленин». «Вы даже не представляете, насколько вы правы!» – ответил ему Кирилл.

Я обещал занести эту историю в анналы.

– Сделано!

А меня

Еще вспомнилось. Ближе к полуночи Лена с Хоккой провожает меня до пересечения 5-й Красноармейской и Московского проспекта. На углу прощаемся. Мы подшофе. Хокка прыгает вокруг. Склоняюсь и целую его в крутой лобик и, еще не успев разогнуться, слышу негодующий возглас Лены «А меня?!»

11. 02. 2011

Тогда Лена еще говорила

Сейчас (13 февраля) по «Эху Москвы» (хорошо, что рано встаю) прослушал (с 8.30 до 9) интервью Майи Пешковой с Юрием Кублановским по поводу «годовщины» смерти Лены.

Эта пискля Майя почему-то сказала, что Лена умерла 11 февраля. Да она еще месяц прожила!

Я прекрасно помню, что рассказывал ей, приехав домой вечером 23 февраля с дня рождения Сашки Горнона (а мы тогда условились, что буду звонить ей два раза в сутки, утром и вечером, проверять, жива ли), как какая-то дама лет тридцати вдруг пожелала познакомиться со мной, стоя рядом на эскалаторе. Учитывая скорбное обстоятельство болезни Лены, я не было расположено к полуночному флирту. Но это существо назойливо протягивало руку. Валентина, сказало оно. Я вынужденно протянуло ему свою. Оно вдруг склонилось над ней и быстро, как кошка, облизало кисть. Что вы делаете, изумилось неприятно пораженное я.

А священникам-то каково…

Господи, Лена тогда еще говорила.

Тайна

А Кублановский рассказывал все вроде бы правильно, но как-то пошловато. Он произносил слово «чудо» вяло, приземленно.

И дело тут не в пафосе, а в тайне, которой была Лена. Может быть, она была не совсем человеком, не совсем женщиной, не совсем поэтом.

Она была чем-то б?льшим.

Она была тайной.

13.02.2011

Однозвучно гремит колокольчик

На той неделе позвонил Саша Горнон и сказал, что умер Абрам Юсфин. Он был на панихиде в Союзе композиторов. Я хорошо помню этого музыковеда с коровьим колокольчиком на шее. Однажды у меня на Исаакиевской мы записывали на плохой магнитофон что-то совместное, авангардное, еще и с моим малолетним сыном Левой.

…Где теперь эта запись?

Еще он вступил третьим (по русскому обычаю) в переписку Натана Эйдельмана с Виктором Астафьевым по еврейскому вопросу

…Кто теперь об этом помнит?

... А тогда все читали, кипели.

Фуета фует.

…Однозвучно звенит колокольчик.

21.12.2011

Реприза

Где-то прочитал, как некоего человека спросили, а вы не стали под старость верующим? Он ответил: Слава Богу, нет.

Этот оксюморон вдруг пробудил во мне вопрос, который удивил своей новизной. В я его еще не возникало.

А верит ли Бог в меня?

То есть, что мое я для Него?

Как это, сказал Беккет.

Или пошутим с Гете, – страдания солнечного зайчика.

Можно еще вспомнить репризу клоуна Олега Попова.

Шарман, шаман

В «Письмах в Сигейск» (книга писем Н.И. Харджиева к Сергею Сигею) Николай Иванович нечаянно роняет определение: «Поэт – существо крестовидное».

И я недавно поняло его буквально, как схему, как чертеж.

– Горизонталь – это обычная человеческая жизнь, которую переживает каждый. А вертикаль, перечеркивающая эту обыденность, отражает метания (корчи) духа, земные корни и небесную крону.

Кроме всеобщих рождения и смерти, поэту надо вынести в себе дихотомию твари и ангела.

Его опыт парадоксален.

Он уже никогда не жив.

Он еще никогда не мертв.

Его крест пульсирует.

Поэт четырехмерен.

Шарман, шаман!

Я-беда

Сумеет ли я переплыть эту толстую тетрадь-книгу. Чистых страниц пока еще больше, чем исписанных.

Хождение за три моря.

«Утром три».

Тригонометрия ментальных блудней.

Мозги на пенсии.

Я-беда

22.02.2011

Тригорину

Сюжет для небольшого рассказа: я просыпается и не обнаруживает себя.

Ты есть то.

Тат твам аси.

Ах, как кружится голова

Как представить эти цепочки молекул, что образуют наше тело.

Они движутся.

Идем дальше. Созерцаем с Демокритом атомы.

Они движутся.

Потом электроны в атомах.

Они тоже движутся по орбитам.

Все в этой матрешке нас движется.

И в матрешке всего (земля, солнечная система, галактика и т.д.) все движется.

Этим большим вальсом дирижирует Штраус. Это я читаю огромную книгу Жака Ле Ридера. «Венский модерн и кризис идентичности» (СПб, 2009).

Лене не задолго до смерти некий целитель, когда-то подвизавшийся в БДТ, тоже велел вращать блюдечко.

Коловращение жизни.

– Как смерч.

Смерч смерти.

Какие тебе еще полеты нужны, Катерина?!

«Ах, как кружится голова, как голова кружится».

Это стихи

– Выходит, что все…
– Завихрения завихрений.
– Экая хреновина.
– Нет, это балет.
– И Ницше любил танцы.
– И дервиши.
– «Танцующий Давид»!
– Да – и как она всегда вспоминала эту пожилую пару, танцующую в скверике на Измайловском около гастронома…
– 9-го мая.
– Великое в малом.
– Ветераны танцуют со смертью?
– Они берут ее к себе в круг.
– Летальная орбита вальса.
– Победа – это танец со смертью?
– Это стихи.

Ты-ты-ты
– Значит, стихи…
– Мы уже говорили.
– Танец судьбы?
– Да.
– Это объективность?
– Когда стих написан, то – да.
– Значит, в конце такого стиха…
– Смерть.
– И…
– Надо писать новый.
– И сколько это будет продолжаться?
– Пока не кончатся рифмы.
– Что потом?
– Ритм.
– Та-та-та?
– Ты-ты-ты.

Драма ты лги я

Не прошло и нескольких часов, как натыкаюсь на «ты» у Ридара (см. выше).

(Пью чай с израильским лимоном, который мне прислали Никитины из своего садика. Мог ли думать Гоша, который жил в двух шагах от садика на Малой Садовой, что под старость будет сидеть под пальмами, как я ему и предсказывал.)

Итак, Ридер. Стр. 70–71.

«Философ Фердинанд Эбнер в работе «Слово и духовные реальности» (опубликованной в 1921 г.) дал глубокую интерпретацию этого «экзистенциалистского» аспекта мысли Вайнингера, показав, что книга «Пол и характер» является одним из самых очевидных симптомов болезни Icheinsamkeit. («Одиночество я»), которое угрожает существованию современного индивида и, согласно Эбнеру, может быть излечено только через опыт общения с «Ты», прежде всего общения словесного. Диалог с Другим, опосредованный диалогом с Богом, противопоставляется здесь поэтическому и философскому монологу гения, сосредоточенного на своей субъективности».

То-то из меня диалоги поперли. Никогда раньше такого не было.

Драма ты лги я.

23.02.2011

Ее нема

Продолжаю единоборство с ручками, отказывающимися писать мою безысходную кривду.

Март. Скоро годовщина смерти Лены.

Пустоватенько.

Вот все, что могу сказать.

Ее нема.

Басня

Вообще, единственное, что можно сделать, чтобы сохранить высокое присутствие памяти о Лене (помимо чтения стихов), это самому карабкаться туда, где она парила столь свободно.

Улитка и балерина.

Басня.

Вторцветмет

Иллюстрация на тему карабканья.

У меня есть стихотворение «Вот молекулы сверкают,/в теле стареньком моем,/что они об этом знают,/размышляют ли о чем?» И т.д.

Там еще упоминаются атомы, электроны, пю-мезоны. По поводу этих элементарных частиц я консультировался с лириком-физиком Борисом Шифриным и посвятил ему это стихотворение.

И вот недавно, сидя на дне рожденья у Александра Горнона, Борис заговорил о том, что эти самые частицы (по Флоренскому), образуя человеческое существо, при расставании с телом сохраняют память о нем. Ибо помимо ноосферы есть еще пневмосфера…

Позволю себе вольность: атомы намагничиваются человеком.

И может быть мы просто обогатительная фабрика материи?

Сколько атомов одомашниваем за жизнь.

Вот и Федоров предлагал все собирать.

Значит, много лет назад я написало оду утильсырью.

Вторцветмет.

Мозаика индивидуальности

А если в меню попадут атомы, намагниченные другими, что будет?!

Диффузия.

Мозаика индивидуальности.

Проветривание

Над землей снова задул ветер вер. Ислам встрепенулся. Повалились диктатуры. В Африке открыли форточку.

Астров рад прохладе.

Проветривание.

«Я спасти нельзя»

Вот еще выудил из Ридера о предшественниках меню.

Стр. 105 «Гофмансталь, Маутнер и позже Музиль, а может быть, и Витгенштейн пытаются найти выход из кризиса идентичности. (Порожденного неопозитивизмом, который доминировал в конце XIX века и доктрину которого резюмирует высказывание Эрнста Маха: «Я спасти нельзя».) На пути систематической деконструкции субъекта, и прежде всего его языка, – деконструкции, после которой только и можно воспринимать откровения «иного состояния». У Отто Вейнингера аналогичную функцию спасения я, разрушенного атаками со стороны неопозитивизма и экспериментальной психологии, принимает на себя фигура «гения».

2.03.2011

Полшестого

Мельком видел во сне Лену. Она была коротко подстрижена, как после тифа.

Похоже, это были чьи-то похороны.

На паперти юродствовал Саша Миронов. Его пытались успокоить. Кто-то сожалел о том, что не укололи вовремя.

Потом снова Лена (в черном), одиноко сидящая на скамейке. Не седая.

Я смотрю сверху. Сквозь прутья ограды.

Пролезть к ней было невозможно.

Кого же они там хоронили?!

В полшестого.

3.03.2011

Только чудо

Вчера первая годовщина смерти Лены.

Панихида в Троицком соборе.

Отец Владимир, отслуживший ее когда-то и по Кудрякову.

Этот собор теперь литературный.

(Какой-нибудь знаток поэзии, проходя с очередной пассией мимо, скажет со значением, здесь отпевали Елену Шварц.)

Потом посидели в кафе «Африка»

Зашли с Кириллом на квартиру Лены. Там – ремонт. Поразили антресоли, с выдвигающимися лестницами-трапами, и обнаруженный подпол.

Как бы Лена радовалась этим вновь открытым пространствам! Они превратили городское жилье в дом с тремя уровнями. Появилась вертикаль. Мы-то, в основном, живем в горизонталях.

Потом еще посидели у Кирилла на башне. Хокка в хорошей форме.

Говорили о конце света.

О том, что его может предотвратить только чудо.

Может быть, маленькая Лена была одним из таких грандиозных чудес, предотвращающих Апокалипсис.

12.03.2011

Экологическое Евангелие

Не успел прокукарекать о конце света, как затрещала по швам земной коры Япония.

Атомные станции пошли вразнос.

Природа показывает человеку нос.

Не злите ее, господа потребители, не злите!

Тише воды, ниже травы.

Экологическое Евангелие.

Проще не бывает

– Кто виноват?

– Виновато я.

– Что делать?

– Ничего.

– ?

– Созерцать.

– ?

– Человек – творец наблюдений.

– И больше ничего?

– Разве этого мало, смотреть и видеть.

– А иначе…

– Будешь ненавидеть!

– Так просто.

– Проще не бывает.

17.03.2011

Ты шуршишь

Просматривал телепрограмму и вдруг сообразил, если человек за несколько десятков лет обеспечил себя «реальностью», которую можно смотреть годами круглые сутки напролет, то что стоит более совершенному существу обеспечить такой «реальностью» самого человека.

Я пытается листать себя, как телепрограмму.

Хотя бы услышать ее шуршание.

Это уже завораживает.

Ты шуршишь?!

Аутисты, вперед!

Вчера прочитал в «Известиях» у Константина Кедрова (от 21-го марта 2011, стр.6) в заметке «День поэтов»: «Прошедший год был трагичен для русской поэзии. Ушли Андрей Вознесенский и Бэла Ахмадуллина. Ушли поэты, а поэзия их осталась навсегда».

Что тут скажешь?

Аутисты, вперед!

Город Глупов

Так же, как мы облачаем тело в покровы одежды, соблюдая диктат моды, так и мозг облачаем в мысли-одежки: карнавализация, деконструкция, симулякр… Красуемся на подиуме прогресса.

Глупо все это.

Город Глупов.

Г-о-р-о-д Г-л-у-п-о-о-о-в!!!

22.03.2011

Всем спасибо. Продолжение

Позавчера в газетном киоске купил какую-то Аманду Скотт. «Код майя: 2012». Как желудку необходима клетчатка, так и мозгу иногда не лишней бывает целлюлоза. На работе заглянул в последний абзац.

«Если тринадцать черепов сойдутся вместе и подтолкнут нас к переменам в сознании, которые сделают нашу жизнь более осмысленной, я буду первой в очереди, чтобы сменить мировосприятие».

Ах, девочка не моя, боюсь, что в этой очереди вы будете далеко не первой.

Позавчера же в «Известиях» (Павел Демидов «Дух и брюхо», стр.6) прочел о стебе: «Смех, безудержный и безмотивный, стал своего рода камертоном, по которому настраиваются умы и души».

А вот мой давнишний однострок:

«стеб да стеб кругом»

В той же газете на той же странице евразиец Александр Дугин в статейке «По ту сторону мира» вещает о конце экономики, конце демократии, конце Америки, но почему-то забывает сообщить о конце человека.

Словно божественный магнитик поднесли к хаосу ментальной стружки и вдруг все выстроилось в линии.

Просто Васильевский остров какой-то!

Приходите, Иосиф Александрович.

Уже можно.

Бедный Йорик! – 2

Вот интересно, как долго Бродский в морге работал? Это ведь опыт суровый, рты глиной забивать.

Бедный Йорик!

25.03.2011

Опять ментальная стружка

Дальше – больше. В «Новой газете» (от 28.03.2011, стр. 18) режиссер Кирилл Серебрянников провозглашает: «Потому что, по моему ощущению, нашему обществу необходимо резкое и местами радикальное изменение, революция. Не бунт, не хаос, не передел или перестрел. А бескровная ментальная революция. Революция в мозгах, которая заключается в необходимом переходе на другой уровень, в скачке. Наша страна вообще развивается скачками, и ничего с этим сделать нельзя».

А в чем скачок-то, Кирюша? В низвержении я. В расщеплении эго.

Эголог я, пою с Радж Капуром.

28.03.2011

Чао

Вчера ночью обнаружил у Аманды Скотт пассаж (стр. 472): «И Цзин» можно читать как лунный календарь, который так же указывает на некий конец – или трансформацию сознания столь огромную, что ее можно считать концом, – в 2012 году».

Все говорят одно и то же, но друг друга не слышат. Иначе бы все давно замолчали.

Человеку предстоит заткнуться.

Что ы с удовольствием и делаю.

Чао.

31.03.2011

P.S.

Завтра наш великий праздник, читатель.

День дурака!

Ни что не имеет значенья.

Значение имеет ни что.
Смешные мозгов приключения
В сказочке ни про что.
16 ч.54 м.